

ИССЛЕДОВАНИЯ

Б. Н. Флоря*

Митрополит Иосиф (Тукальский) и судьбы православия в Восточной Европе в XVII веке

Иосиф (Тукальский) происходил из известного шляхетского рода, имени которого располагались на территории Пинского повета Великого княжества Литовского. В местном обществе семья занимала видное положение и известна была своей преданностью православию. В 1647 г. брат будущего митрополита Юрий был избран послом на сейм с поручением добиваться передачи Полоцкой кафедры православному владыке¹. Наиболее раннее упоминание об Иосифе (Тукальском) встречается в книгах пинского градского суда 1649 г. В это время он был уже настоятелем Свято-Духова монастыря в Вильно, тесно связанного с Виленским братством², которое играло роль одного из главных центров духовной жизни православного общества в Великом княжестве Литовском. Братство постоянно подвергалось преследованиям со стороны властей, а также католического и униатского духовенства.

В источниках середины 50-х гг. XVII в. Иосиф (Тукальский) упоминается как архимандрит Лещинского монастыря в Пинском повете, в 1640-х гг. находившегося в руках униатов. Очевидно, Иосиф (Тукальский) возглавил обитель после восстания Б. Хмельницкого. К середине 1650-х гг. архимандрит Иосиф стал заметной фигурой в жизни Гетманства. Например, в январе 1656 г., когда у Иосифа (Тукальского) возникли споры с Юдицким, новым мужем вдовы брата Иосифа, и Юдицкий с отрядом солдат напал на монастырь, Хмельницкий обратился по этому поводу с жалобой к царю³. Влияние архимандрита Лещинского монастыря заметно возросло после смерти Хмельницкого, когда литовский магнат Богуслав Радзивилл обращался к Иосифу как к посреднику при установлении контактов с гетманом Иваном Выговским⁴. В 1657 г., после того как Пинский повет заняли казачьи войска, около 200 местных священников стараниями Иосифа (Тукальского)

* © Флоря Б. Н., 2009

Борис Николаевич Флоря, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заведующий Отделом истории Средних веков Института славяноведения РАН.

отказались от унии⁵. Осенью 1657 г. он приехал в Киев на выборы нового митрополита⁶, которые завершились в начале 1658 г. возведением на митрополичью кафедру Луцкого епископа Дионисия (Балабана).

5 января 1658 г. лещинский архимандрит вместе с архимандритом Киево-Печерского монастыря Иннокентием (Гизелем) обратился с посланием к царю Алексею Михайловичу⁷. Более поздние источники сохранили свидетельства о близких, дружеских отношениях этих представителей украинского духовенства, поэтому факт составления ими общего послания удивления не вызывает. Что же они предлагали царю и что ожидали от русского монарха? В послании разоблачается «лесть» и враждебность «ляхов» и «литвы», а также звучит призыв к бдительности: «Храни ся и всю державу от псов». Иннокентий (Гизель) и Иосиф (Тукальский) напоминали царю о преследованиях, которым подвергались православные, говорили о погибших мучениках, таких как Афанасий (Филиппович). Они обращали внимание царя на то, что шляхта Новоградского воеводства враждебна русской власти и тайно сноится с литовским войском, а в западных городах Великого княжества Литовского — в Волковыске, в Гродно, в Троках — униаты сохраняют свои храмы и значительную часть владений. Такие сведения вряд ли могли исходить от проживавшего в Киеве Иннокентия (Гизеля), скорее всего, их сообщил тесно связанный с Великим княжеством Литовским Иосиф (Тукальский). Читающаяся в послании просьба снова прислать русские войска в Пинский повет, который они «напрасно оставиша», еще более определенно указывает на активную роль Иосифа (Тукальского) в написании послания. Очевидно, что в начале 1658 г. оба автора были глубоко убеждены во враждебности государственных органов и шляхты Польско-Литовского государства православию и укрепление позиций православия в Восточной Европе связывали с политикой русского монарха.

В дальнейшем, однако, пути этих двух выдающихся деятелей разошлись. В июне 1658 г. митрополит Дионисий (Балабан) покинул Киев и больше туда не вернулся, став на сторону гетмана Ивана Выговского в конфликте с русской властью. Иосиф (Тукальский) присоединился к митрополиту и, по-видимому, начал играть видную роль в его окружении. Так определилось (и надолго) место Иосифа (Тукальского) среди духовенства Киевской митрополичьей кафедры. Архимандрит Лещинского монастыря примкнул к той его части, которая враждебно восприняла исходившие из Москвы предложения о подчинении Киевской митрополии власти Московского патриарха и решила вместе с казацкой верхушкой искать соглашений с казавшейся тогда ослабленной Речью Посполитой. На этот выбор Иосифа (Тукальского) повлияли, по-видимому, его более ранние связи с Феодосием Василевичем. Феодосий принадлежал к близкому окружению Киевского митрополита Сильвестра (Косова), находившегося в сложных отношениях с властями Гетманства и стремившегося сохранять контакты с польской властью. Связанный в предшествующие годы с литовским гетманом Янушем Радзивиллом Феодосий в 1654 г. оставил Киев и стал архимандритом Троицкого монастыря в Слуцке — главной обители православного духовенства в Слуцком кня-

жестве Радзивиллов, одновременно митрополит назначил его своим наместником на территории Великого княжества Литовского. Зимой 1654/55 г. Феодосий (Василевич) уговаривал жителей Могилева сдать город литовским войскам. В 1658 г. у него нашел временный приют митрополит Дионисий (Балабан), покинувший Киев⁸. Другая часть украинского духовенства, к которой принадлежал Иннокентий (Гизель), также хотела сохранить автономию своей Церкви, но не желала разрыва с Россией, видя в ней главного защитника и гаранта сохранения православия на украинских и белорусских землях.

Объединившиеся вокруг митрополита Дионисия (Балабана) авторитетные духовные лица стремились обеспечить интересы православия при заключении соглашения между властями Польско-Литовского государства и Войском Запорожским. Проект договора, составленный в Гадяче в сентябре 1658 г., предусматривал ликвидацию унии, предоставление православным иерархам мест в сенате и равных прав с католиками, передачу православным в течение 6 месяцев после заключения соглашения всех кафедр и имущества, исторически принадлежавших православной Церкви⁹. Это общее положение было детально раскрыто в петиции Войска Запорожского к сейму 1659 г., который должен был утвердить принятый в Гадяче текст документа¹⁰. В петиции предусматривалась в частности не только ликвидация унии, но и устанавливался строгий запрет держать униатов в своих владениях под угрозой изгнания и конфискации имущества. За соблюдением запрета должен был следить «инстигатор» княжества Русского (каким должно было стать Гетманство). В его задачи входило осуществить передачу православным церковных учреждений и их имущества, а также следить, чтобы православных лиц не привлекали к светскому суду. В документе затрагивались и некоторые конкретные вопросы. Так, говорилось, что иезуиты должны вернуть земли, отобранные у Иосифа (Тукальского), а сейм обязан утвердить декрет по делу последнего с мужем вдовы его брата Юдицким. Эти особенности документа позволяют полагать, что Иосиф (Тукальский) активно участвовал в его составлении.

На сейм 1659 г. митрополит Дионисий (Балабан) отправился с большой делегацией духовенства, в состав которой входили Иосиф (Тукальский) и Феодосий (Василевич). Иннокентий (Гизель) на сейм не приехал, и король обещал отдать Киево-Печерский монастырь митрополиту¹¹. Однако текст соглашения был одобрен только в том виде, в котором он был выработан в Гадяче, причем положение о ликвидации унии было опущено, а о передаче имущества православной Церкви сказано в общей форме. В качестве уступки было запрещено основывать новые униатские учреждения и снабжать их имуществом¹². После этого митрополит Дионисий (Балабан) привел казацкую старшину к присяге на верность королю и Речи Посполитой. Договор, предусматривавший возвращение шляхетских имений бывшим владельцам, вызвал резкую отрицательную реакцию украинского общества. Вспыхнувшее восстание привело к падению Выговского и возвращению Гетманства под русскую власть. Эти события не повлияли на позицию митрополита Дионисия (Балабана) и его советников. Для них имел значение тот факт, что по условиям

Переяславского соглашения 1659 г. духовенство Киевской митрополии должно было находиться под «благословением» Московского патриарха, который «в права духовные вступить не будет»¹³. После падения Выговского митрополит покинул территорию Гетманства, хотя в марте 1660 г. новый гетман Ю. Хмельницкий просил его вернуться в Киев. Через своего «казнодея» (проповедника) Тарасия Забузского Дионисий (Балабан) призывал гетмана порвать с Россией и перейти на сторону Речи Посполитой, а когда это произошло, убеждал гетмана держаться принятого решения¹⁴.

В таких условиях для русского правительства стала необходимой организация церковного управления землями Киевской митрополии, которые оставались под русской властью. Первоначально управление было поручено Черниговскому епископу Лазарю (Барановичу). Но недовольный его недостаточной активностью Алексей Михайлович решил сделать местоблюстителем митрополии одного из главных сторонников промосковской ориентации среди украинского духовенства нежинского протопопа Максима Филимоновича. Вызванный в Москву, он принял монашеский постриг с именем Мефодий, и 4 мая 1661 г. местоблюститель Московского патриаршего престола митрополит Питирим поставил его епископом на пустовавшую в течение ряда лет Оршанскую и Мстиславскую кафедру¹⁵. Это была одна из кафедр Киевской митрополии, и поставление Мефодия явилось важным шагом на пути к подчинению церковных учреждений Киевской митрополии Московскому патриархату. В ответ митрополит Дионисий (Балабан) поставил на ту же кафедру архимандрита Иосифа (Тукальского), и 3 августа 1661 г. король Ян Казимир дал ему соответствующий королевский привилей¹⁶. Так окончательно определилось место Иосифа (Тукальского) в рядах той части украинского духовенства, которая выступала против России и на этой почве сотрудничала с властями Речи Посполитой. В данном случае интересы сторон совпадали. Своим актом митрополит Дионисий (Балабан) подчеркивал независимость духовенства Киевской митрополии от Московского патриархата, а король Ян Казимир демонстрировал свои права на земли, занятые русскими войсками.

В другом аспекте отношения митрополита Дионисия (Балабана) и его окружения с польской властью оказывались гораздо более сложными. Переход правобережного казачества во главе с гетманом Ю. Хмельницким под польскую власть осенью 1660 г. был оформлен Чудновским договором. В нем повторялись те же условия, определявшие положение православия в Речи Посполитой, которые содержались в Гадячском договоре (утвержден сеймом в 1659 г.)¹⁷. Однако положения этого договора, которые предусматривали передачу православным церковных имуществ, находившихся в руках униатов, не выполнялись¹⁸. Более того, начались преследования православных, прежде всего на тех территориях, где они не могли рассчитывать на поддержку казачества. Так, уже в июле 1661 г. король был вынужден предписать униатскому Турово-Пинскому епископу Андрею Золотому Квашнину прекратить преследования и не принуждать православных священников подчиняться его власти¹⁹. Но помогало это плохо, поскольку 18 января 1662 г. последовало аналогичное распоряжение, адресованное пинскому старосте

А. Млоцкому²⁰. В документе содержится указание, что он выдан по ходатайству Иосифа (Тукальского). Хотя эти земли не входили в состав Оршанской и Мстиславской епархии, епископ действовал в данном случае, очевидно, как наместник митрополита в Великом княжестве Литовском²¹. По-видимому, из-за выступлений в защиту православных на землях Великого княжества Литовского новый архиерей не смог стать своим ни для польских властей, ни для пропольски настроенных представителей казачьей верхушки. Это сделалось ясным во время выборов нового митрополита после смерти Дионисия (Балабана).

О ходе выборов известно из протеста трех епископов — участников выборов, а также из письма гетмана Павла Тетери королю и коронному канцлеру М. Пражмовскому. В своем протесте, датированном 19 ноября 1663 г., 3 православных епископа заявляли, что в их отсутствие архимандрит случкий Феодосий (Василевич), собрав некоторых духовных и светских особ «ргуватніе обраї і роруїо огласїї» (частным образом выбрал и объявил народу) митрополитом Иосифа (Тукальского)²². Существенно иначе описывает положение Павел Тетеря. По его словам, все духовные и светские участники выборов (кроме епископов) — и казаки, и шляхтичи Киевского воеводства и Волыни, и «wszystek kler» (весь клир) поддержали кандидатуру Иосифа (Тукальского). Данная версия представляется тем более показательной, что Тетеря хотел бы видеть на митрополичьей кафедре другого человека и разделял сомнения, высказанные по поводу этой кандидатуры коронным канцлером²³. Однако поддержка Иосифа (Тукальского) была настолько единодушной, что гетман советовал утвердить его выбор, несмотря на протест епископов. Очевидно, православное население Речи Посполитой видело в епископе Иосифе (Тукальском) надежного защитника своих интересов. 15 ноября 1663 г. П. Тетеря разослал универсалы, в которых извещал об избрании Иосифа митрополитом и предписывал ему повиноваться²⁴.

Направившаяся к королю делегация духовенства во главе с бывшим гетманом Ю. Хмельницким — иноком Гедеоном — получила 22 ноября королевский привилей на митрополию с сохранением за митрополитом Иосифом лещинской архимандритии²⁵. Двумя днями позже, 24 ноября, по просьбе епископов Ян Казимир дал такой же привилей на митрополичью кафедру Перемышльскому епископу Антонию (Винницкому)²⁶. Действуя таким образом, власти Речи Посполитой явно хотели ослабить положение митрополита, выбором которого они были недовольны. В такой ситуации многое зависело от того, кто из кандидатов получит благословение Константинопольского патриарха. Гетман Тетеря направил в Константинополь посольство во главе с брацлавским полковником Иваном Сербином с большими суммами денег, но посольство не пропустил молдавский воевода²⁷. Так как после избрания митрополит Иосиф (Тукальский) должен был поселиться в украинской части митрополии, он 3 декабря 1663 г. назначил Феодосия (Василевича) своим наместником на землях Великого княжества Литовского²⁸.

На этот раз Иосиф (Тукальский) пробыл на митрополичьем столе недолго. Когда весной 1664 г. на Правобережной Украине началось восстание

против польской власти и польского ставленника Тетери, митрополит и инок Гедеон (Хмельницкий) были арестованы по обвинению в связях с восставшими и заточены в крепость Мальборк в Пруссии. Осведомленный современник приписывал инициативу ареста Тетере²⁹, и это свидетельство находит подтверждение в письме гетмана М. Пращмовскому от 12 марта 1664 г. Гетман писал, что от Иосифа (Тукальского) исходит все злое, что происходит, а попавшие в его распоряжение документы подтверждают подозрения, высказывавшиеся ранее канцлером³⁰. За арестом митрополита вскоре последовали требования его освобождения, исходившие от тех общественных сил, которые оказали ему поддержку на выборах. Хотя гетман, как показано выше, оказался причастен к аресту Иосифа (Тукальского), он вынужден был считаться с настроениями в казачьей среде и официально ходатайствовать об освобождении и митрополита, и Гедеона (Хмельницкого). В составленной в ноябре 1664 г. инструкции послам Войска Запорожского на сейм содержалась именно такая просьба³¹. В начале 1665 г. шляхта Киевского воеводства поручила своим послам ходатайствовать, чтобы Иосиф (Тукальский) и Гедеон (Хмельницкий), арестованные без суда, были либо подвергнуты судебному разбирательству, либо освобождены³².

1665 год принес неприятные для государственных органов Речи Посполитой перемены на Правобережной Украине. Восстания здесь усилились, и Тетеря был вынужден бежать в Польшу. Гетман Петр Дорошенко, пришедший к власти при поддержке Крыма, занимал по отношению к Польско-Литовскому государству гораздо более самостоятельную позицию и стал энергично добиваться освобождения узников³³. По-видимому, вопрос об их освобождении начал обсуждаться в правящих кругах Речи Посполитой. В октябре 1665 г. митрополит Иосиф и старец Гедеон были приведены к особой присяге на верность королю и Речи Посполитой³⁴, однако освобождения за этим не последовало. В инструкции послам Войска Запорожского на сейм от февраля 1666 г. вновь содержалась просьба об освобождении митрополита. При этом подчеркивалось, что Войско признает законным митрополитом только Иосифа (Тукальского), избранного на кафедру в соответствии с установленными порядками и при участии Войска. В документе также указывалось, что, если Иосиф будет «*abalienatus*» (отстранен) от митрополичьей кафедры, Войско организует выборы нового митрополита в соответствии с установленным порядком³⁵. Тем самым, как представляется, давалось понять, что устранение Иосифа (Тукальского) властями Речи Посполитой ничего не даст.

В мае 1666 г. король Ян Казимир дал ответ на предложения и просьбы Войска Запорожского, где признал законным митрополитом только Антония (Винницкого), который был выбран митрополитом «*należycie u prawdziwie*» (как подобает и по правилам) и был якобы утвержден в сане Константинопольским патриархом; Войску Запорожскому следует подчиниться его духовной власти. Эти высказывания свидетельствуют, что выдача привилегия Антонию (Винницкому) вовсе не была ошибкой коронной канцелярии. Что касается Иосифа (Тукальского), то в ответе говорилось, что король простил его проступки, а тот заявил что отказывается от верховной власти

над духовенством Киевской митрополии³⁶. По-видимому, Иосиф (Тукальский) был освобожден из заточения после того, как обещал не претендовать на митрополичью кафедру. Свободу он получил уже в начале 1666 г.: как следует из его грамоты жителям Могилева, 14 февраля 1666 г. Иосиф (Тукальский) находился в Лещинском монастыре³⁷. В этой грамоте он выступал одновременно как архимандрит Лещинского монастыря, «епископ Белорусский» и Киевский митрополит, обладающий королевским привилеем и «конфирмованный от святейшего фроню Константинопольского». В действительности благословения от Константинопольского патриарха Иосиф (Тукальский) пока не имел, но текст документа показывает, что он не желал отказываться от своих прав на митрополичью кафедру. В этом вопросе он мог вполне рассчитывать на поддержку Войска Запорожского.

До осени 1667 г. жизнь митрополита Иосифа была связана с территорией его «Белорусской» епархии. Каково же было положение православной Церкви на землях Речи Посполитой в эти годы? Статьи Чудновского договора, определявшие положение православной Церкви в Польско-Литовском государстве и формально сохранявшие силу, фактически не соблюдались. Не осуществлялась передача церковных учреждений с их имуществом от униатов к православным, напротив, начались преследования православных со стороны униатского духовенства. Попытки православных защищать свои права в суде оказывались безуспешными³⁸. Неслучайно в инструкциях послам Запорожского Войска на коронационный сейм 1669 г. был поставлен вопрос о создании особого трибунала в Баре (для Королевства Польского) и в Мозыре (для Великого княжества Литовского), где дела, касающиеся православной Церкви, рассматривались бы судьями, духовными и светскими, из среды православных³⁹. В жалобах, поданных на элекционный сейм 1669 г., вспоминали, что когда на сейме 1666 г. представитель Киевского митрополита принес жалобу на действия Полоцкого униатского архиепископа Гавриила Коленды, то маршалок сейма не дал ему говорить и высмеял его⁴⁰. В эти годы, по-видимому, и сам Иосиф (Тукальский) подвергался репрессиям. В постановлениях конвокационного сейма 1668 г. Лещинский монастырь назывался в числе объектов, принадлежавших униатам⁴¹. В упоминавшихся выше жалобах указывалось, что монастырь силой захватил Киприан Жоховский, в будущем глава униатской Церкви⁴². Осведомленный современник отметил, что митрополит Иосиф (Тукальский) уехал на Правобережную Украину, во владения гетмана П. Дорошенка, так как его «знову хотіли побрати и потратити»⁴³. Позднее нежинский протопоп Семен Адамович вспоминал, что митрополит «ушел из Белой России с одним челядником в лодке Днепром»⁴⁴. 23 декабря 1667 г. Феодосий (Василевич) писал Богуславу Радзивиллу, что в Гетманстве Иосиф был принят со всеми «honorificentissime» (почестями)⁴⁵. Семен Адамович также сообщал, что Дорошенко встретил митрополита «с любовью и двор дал и чем питатца, маетности»⁴⁶. Резиденцией митрополита стал монастырь Успения Богородицы в Каневе.

Порывая с Россией, та часть украинского духовенства, к которой принадлежал митрополит, рассчитывала, что сможет добиться достойного положения

для православных в Польско-Литовском государстве. Казалось бы, пережитые гонения должны были исцелить митрополита Иосифа от иллюзий, однако иерарх не стал искать помощи и поддержки в России. О занятой им позиции ясно говорит уже упоминавшаяся его грамота в Могилев. В 1661 г. жители Могилева, находившиеся под русской властью, перебили русский гарнизон и перешли под власть Речи Посполитой. По-видимому, за это епископ Мефодий наложил на них церковное «проклятие». Иосиф (Тукальский) своей грамотой освободил их «от всех клятв архиереев ненаležitых, наипаче московских»⁴⁷. Никаких попыток установить контакты с Московским патриархом или царем в 1666–1667 гг. митрополит не предпринимал.

Свои планы и надежды митрополит Иосиф связывал с фигурой Дорошенко. Многочисленные свидетельства современников, как русских, так и польских, единогласно указывают на то, что Иосиф (Тукальский) стал одним из ближайших советников гетмана. Так, побывавший в Чигирине Семен Адамович в октябре 1668 г. сообщал, что «в Чигирине вся старшина скорбит на митрополита Тукальского, что Дорошенко гетман ни с кем не советует, толко с митрополитом Тукальским»⁴⁸. Закономерно поэтому искать отражение взглядов митрополита на перспективы православия в Восточной Европе не только в высказываниях самого Иосифа (Тукальского), но и в документах, исходивших из гетманской канцелярии.

К тому времени, когда митрополит Иосиф приехал на территорию Гетманства, положение последнего в системе политических отношений в Восточной Европе стало вполне определенным. Опираясь на союз с Крымом, Дорошенко выгнал с территории Правобережной Украины польское войско и начал переговоры с Османской империей о переходе под ее протекторат. Еще до приезда Иосифа (Тукальского) в Чигирин в грамоте султана Мехмеда IV Яну Казимиру от 21 июля 1667 г. говорилось о «народе козацком», который отдался под покровительство султана, и поэтому, если Речь Посполита хочет сохранить мир, она не должна наносить ущерба его новым подданным⁴⁹. На Украине были люди, понимавшие опасность такого политического курса для судеб православия в этой стране. 16 сентября 1667 г. Иннокентий (Гизель) обратился к гетману Дорошенко с посланием, в котором призывал его отказаться от попыток «искати себе обороны у бусурман». Он обращал внимание гетмана на то, что «за таковою их обороною народы христианские великие греческие, словенские и многие выгублены, и наш народ русский во все концы земли в неволи запровожен и без милости мучитца». В послании, содержавшем в себе идеи, которые легли позднее в основу «Синописа», Иннокентий (Гизель) предлагал вспомнить о древних временах, когда «народы российские, украинские в славе доброй, в вере православной и во всяком изобилии пребывали и всему свету страшны бывали... за державою православных христианских монархов великих князей российских». Он выражал глубокое сожаление, что «наш народ украинский, зачещи между собою брань и несоюз», оставил «своего доброго и мочного заступника, единовѣрного монарха»⁵⁰. Так планам создания казачьего государства

под османским протекторатом противопоставлялась другая перспектива — объединение всего украинского народа под властью «единоверного монарха».

Выступления в защиту православных снискали митрополиту Иосифу (Тукальскому) большой авторитет в украинском обществе. Посетивший Украину в начале 1668 г. русский дипломат Василий Тяпкин сообщал в Москву, что «мещаня и казаки, паче же черные народы по обе стороны [Днепра.— Б. Ф.] зело любят и почитают митрополита». Он же отмечал, что Иосиф (Тукальский) и Иннокентий (Гизель) «великую любовь меж собою и в народех силу имеют», так что «через них может всякое дело состоятися согласное и розвратное прийти в кротость»⁵¹. Однако митрополит не пытался употребить свое влияние, как Иннокентий (Гизель), чтобы добиться изменения ориентации правобережного Гетманства. Напротив, он постарался использовать возможности, которые лично для него давала эта ориентация. Весной 1668 г. ездившие к султану послы Дорошенко привезли Иосифу от Константинопольского патриарха Мефодия «освященный саккос» и настольную грамоту от 3 марта 1668 г., скрепленную подписями 18 митрополитов⁵². Этот акт делал Иосифа (Тукальского) единственным законным обладателем Киевского митрополичьего стола. Однако дело этим не ограничилось. Как сообщал позднее нежинский протопоп Семен Адамович, побывавший летом 1668 г. в Чигирине, Иосифу (Тукальскому) был доставлен и «привилеи от салтана турецкого на митрополию Киевскую». Семен Адамович сам видел этот документ⁵³, он был выдан явно по просьбе митрополита. Тем самым Иосиф (Тукальский) не только не выступал против политики Дорошенко, но и содействовал вовлечению правобережного Гетманства в тесную связь с Османской империей.

Правда, митрополит и гетман как будто последовали призывам Иннокентия (Гизеля), вступив на рубеже 1667–1668 гг. в переговоры с Алексеем Михайловичем и его советниками, но связано это было прежде всего с серьезными сложностями во внешнеполитическом положении правобережного Гетманства. Соглашения Дорошенко с Крымом и Османской империей вызвали вполне предсказуемую реакцию соседей — Речи Посполитой и Русского государства, опасавшихся, что правобережное Гетманство станет авангардом османской экспансии в Восточной Европе. Заключенный в январе 1667 г. мирный договор в Андрусове предусматривал не только возможность того, что обоим государствам придется «общими силами и войски отпор бусурманом... с обеих сторон свои силы соединяючи, давать». В договоре говорилось и о том, что при ратификации соглашения должна быть достигнута договоренность о конкретных способах действий против татар и османов и «когда бы украинских казаков общими войсками своими до послушания и подданства принуждати имели»⁵⁴. Так как левобережное Гетманство и до, и после заключения договора в Андрусове находилось под русским протекторатом, то речь шла о совместных действиях против правобережного Гетманства. Такое соглашение действительно было заключено в Москве в декабре 1667 г. Одно из его условий предусматривало посылку на Украину 25-тысячной русской армии вместе с польскими войсками «на очищения от татар Украины и еже привести непослушных к послушенству казаков»⁵⁵. Дорошенко оказался

перед угрозой противостояния одновременно двум большим государствам в условиях, когда Османская империя, занятая тяжелой войной на Крите, не могла оказать ему значительной помощи. Гетман принял решение начать переговоры о переходе правобережного Гетманства под верховную власть царя. Такие переговоры предотвратили бы опасность войны с Россией и одновременно внесли бы осложнения в русско-польские отношения, затруднив тем самым возможность совместного выступления обоих государств. На переговорах гетман призывал не отдавать полякам Киев и жаловался на преследования православных в Речи Посполитой. В письме царскому посланцу Василию Тяпкину 1 января 1668 г. он указал на то, что на белорусских землях, возвращенных по Андрусовскому договору в состав этого государства, «ни единыя церкви благочестивым християном имети не вольно». В Витебске это запрещено, а в Полоцке единственная православная церковь сгорела, «а иную вместо той созидати возбранено»⁵⁶. Такие сведения Дорошенко, скорее всего, получил от митрополита Иосифа, который поддерживал постоянные связи с белорусскими землями митрополии. Гетман и митрополит, вероятно, были искренне озабочены положением православных на белорусских землях, но цель этих заявлений состояла в том, чтобы побудить русское правительство к протестам и осложнить русско-польские отношения.

В Москве, несмотря на договор с Речью Посполитой, не спешили посылать на Украину войска, чтобы силой восстановить там польскую власть. Неслучайно по настоянию русской стороны в преамбуле статьи о совместных действиях на Украине указывалось, что прежде чем использовать силу, следует попытаться убедить казаков «за обсылкою обоих великих государей или которого ни есть из них», чтобы они «от бусурман отлучились». Глава Посольского приказа А. Л. Ордин-Нащокин полагал, что этот документ мог служить юридическим основанием для мирного присоединения Правобережной Украины к России: не имеет значения, в чьем подданстве будут находиться казаки, «только б от бусурман отлучились»⁵⁷. С предложениями о переходе в русское подданство к гетману был отправлен в конце 1667 г. В. Тяпкин, в будущем известный дипломат, первый русский резидент в Речи Посполитой. В начавшихся переговорах приняли участие и старец Гedeон (Хмельницкий), и митрополит. 16 декабря 1667 г. они сообщили, что будут советовать гетману «быть под рукой» Алексея Михайловича⁵⁸. Тогда же митрополит писал киевскому воеводе П. В. Шереметеву, что будет говорить гетману «о великом его радении в службах обоим великим государям»⁵⁹. В декабре 1667 г. митрополит высказывал пожелания перехода под власть царя украинских земель «по самый Перемышль», чтобы «церкви Божие высвободить от наступающих безбожных ляхов»⁶⁰. Тяпкин полагал, что митрополит будет способствовать успеху переговоров, чтобы вернуться в Киев, и предлагал послать ему «великого государя милостивую грамоту»⁶¹. Переговоры, однако, затягивались. Заявления гетмана о готовности подчиниться верховной власти царя перемежались заявлениями, что он не может разорвать союз с Крымом⁶². Это ясно показывало, что контактам с Москвой в Чигирине не придавали серьезного значения. Митрополит Иосиф (Тукальский)

присоединил свои усилия к действиям Дорошенко, целью которых было ослабление русско-польских отношений, и включился в переговоры. Одно из условий Андрусовского договора предусматривало, что через 2 года после заключения соглашения Киев должен быть передан Речи Посполитой. Дорошенко добивался, чтобы русское правительство это условие не выполняло. Одному из посланцев царя он заявлял, что «он-де, гетман, со всем войском головы свои учнут покладать, а Киева полякам не отдадут»⁶³. Митрополит Иосиф со своей стороны убеждал П. В. Шереметева, что «лутче бы тот Киев без всякого кровопролития и задоров Войску Запорожскому [т. е. Дорошенко.— Б. Ф.] уступить, а не гонителям православия»⁶⁴.

Контакты с русскими властями должны были также послужить прикрытием для тайных переговоров, целью которых было поднять на Левобережье восстание против русской власти и добиться его подчинения Дорошенко. На Левобережье действительно существовало серьезное недовольство политикой Москвы. Реформы середины 60-х гг. XVII в. привели к ограничению автономии Гетманства и обложению его населения налогами для пополнения царской казны, опустевшей после долгой и тяжелой войны. Это недовольство усиливалось слухами о том, что московский договор предусматривает массовое избиение казаков по обоим берегам Днепра («всех вырубить и малой детины не живить»⁶⁵) и что во исполнение этого соглашения на Украину уже идет с войском А. Л. Ордин-Нащокин, который будто бы заявил посланцам левобережного гетмана: «Пора уже вас к Богу отпущать»⁶⁶. Позднее появились и слухи об отступлении Русского государства от православной веры: здесь католикам «чинити костелы позволено, и присяга от самого царского величества тайная с двумя езуиты на Москве учиненная стала»⁶⁷. Подобные слухи, вероятно, распространялись агентами Дорошенко.

В подготовку восстания внес существенный вклад митрополит Иосиф (Тукальский), который убедил возглавить выступление самого левобережного гетмана Ивана Мартиновича Брюховецкого. Посредником на этих переговорах выступал наместник Пивского монастыря Якубенко. Митрополит заверил Брюховецкого, что при соединении казацких войск Дорошенко уступит ему гетманскую булаву⁶⁸. По сообщениям перебежчика из Чигирина Яна Сеножатцкого, митрополит Иосиф (Тукальский) и инок Гедеон (Хмельницкий) присутствовали на раде, где при участии послов Брюховецкого было принято решение «по обе стороны Днепра жителям» перейти под покровительство султана и хана, «а в малороссийских-де городех великого государя воевод и ратных людей побить»⁶⁹. В начале февраля 1668 г. на Левобережье началось восстание, сопровождавшееся уничтожением русских гарнизонов в ряде украинских городов. К этому времени относится обширное письмо митрополита «в Польшу к некоему своему брату духовного чину», перевод которого сохранился в бумагах Посольского приказа⁷⁰. При оценке этого документа⁷¹ следует иметь в виду, что для властей правобережного Гетманства было важно не допустить во время похода на Левобережье нападения на земли Гетманства польских войск. Поэтому Дорошенко убеждал польских военачальников (прежде всего Яна Собеского), что главная цель его действий — вернуть

Левобережье под власть польского короля. Этой же цели должно было служить и письмо митрополита, где читаем, что он «его королевского величества... как всегда был и ныне есть верным подданным всегда». Здесь же говорилось о желании Иосифа, чтобы «гетман запорожский, со всем Воиском с той стороны Днепра соединився, под владением ево королевского величества пребывали подданными». В заключительной части письма указывалось, что он «охотно» послал бы «его королевского величества ноги целовать», но никто, «ведаючи опалу государскую», не осмеливается выполнить такое поручение. Вместе с тем обращает на себя внимание, что даже в написанном с такой целью документе Иосиф не мог удержаться от острых выпадов в адрес польской власти. В письме говорится, что его хотели «повалити... нечестивыми обманами отца Винницкого», что «королевского величества ксендз Савчак» обещал ему «смерть и неволю вечную». Нашлось в письме место и воспоминаниям Иосифа о заточении, и о принуждении к присяге, и о разорении его владений. Правда, в том же письме митрополит писал, что «за их Каиновы поступки Иосифовым желаю именем и делом воздавать» (т. е. за зло воздать добром), но в искренности этих слов Иосифа (Тукальского) есть основания сомневаться.

Содержание письма еще раз показывает, что все столкновения с польской властью не побудили Иосифа (Тукальского) искать поддержки в России. Он с удовлетворением писал о том, как в Гадяче — гетманской резиденции русских — «вырублено, воеводу с сыном убили». В этой связи в письме говорится о Брюховецком: «Я, хотя мало ево знаю, вижу, что добрым хочет быть человеком»⁷². Он выражает надежду, что с приходом на Украину «московских» войск дело кончится вторым Конотопом (т. е. разгромом российской армии). Письмо это было написано в Чигирине 24 февраля 1668 г. Вслед за тем митрополит Иосиф (Тукальский) направился на Левобережье, чтобы подчинить своей власти эту часть митрополии. Как вспоминал позднее один полтавский священник, Иосиф (Тукальский) «наложил клятву на всех попов, которых ставил Мефодий», полученные от него антимины сжигали. Всем священникам в церквах было предписано молить Бога «о благочестивом и Богом данным гетмане Петре»⁷³. Задержанный епископ Мефодий был доставлен в Чигирин, где митрополит приказал снять с него мантию и панацию: «Он в епископах быть недостоин, для того что он принял рукоположение от Московского митрополита»⁷⁴.

Одновременно шли переговоры о подчинении Гетманства Османской империи. В марте послы гетмана прибыли в резиденцию султана Эдирне, откуда вернулись на Украину с посланцем султана Юсуп-чаушем⁷⁵. Сохранились известия, что митрополит «обедал» вместе с послом, а затем «того посла Тукальской из Чигирина провожал 5 верст и благословлял»⁷⁶. Об итогах переговоров митрополит Иосиф известил своего сподвижника Феодосия (Василевича). По его словам, старшина согласилась на турецкую «протекцию», но уклонилась от принесения присяги, на чем настаивал османский посол⁷⁷. Что-то, очевидно, еще мешало полностью присоединиться к Османской империи. По-видимому, на этой раде были подготовлены условия, на

которых Войско Запорожское выражало готовность подчиниться верховной власти султана⁷⁸. Единственным обязательством украинской стороны было участие Войска Запорожского в походах. При этом оговаривалось, что в такой войне османские войска будут находиться под командованием гетмана, а занятые при их участии земли войдут в состав Гетманства и в них не будет ни крепостей, ни войск османов, а на османскую сторону возлагалось обязательство приложить усилия к тому, чтобы границы Гетманства достигали Перемышля, Минска и Путивля. Проект является свидетельством не только существования у гетмана и митрополита широких политических планов, но одновременно и полного непонимания ни характера своего будущего сюзерена, ни возможных последствий принятого решения. Это тем более удивительно, что совсем рядом находились Дунайские княжества, автономия которых была максимально ограничена Османской империей, а сами они обложены огромными поборами. К авторам подобных документов можно отнести китайскую поговорку о людях, готовых «ездить верхом на тигре».

Среди выдвинутых казаками требований есть пункт, который следует связывать с участием в составлении этого документа митрополита Иосифа. Здесь выдвигалось условие, чтобы Константинопольский патриарший престол передавался лишь тому, кого «архиерейский збор изберет», а избранный мог находиться на престоле «до последнего жизни своего дыхания». Выдвижение такого условия говорит и об искренней заботе Иосифа (Тукальского) о судьбах православия, и о его политической наивности, еще большей, чем у гетмана, и странной для человека с таким большим жизненным опытом. Разумеется, не сохранилось документа, которым султан одобрял бы предложенные условия.

Как видно из письма Феодосия (Василевича), общее положение на Украине в начале осени митрополит оценивал как очень благоприятное для политических планов его и гетмана. В распоряжении Дорошенко находилось 200-тысячное казацко-татарское войско, его власти подчинялись вся Украина и Запорожье. Гетман требовал от царя вывести войска из украинских городов, обещая за это мир с Гетманством и с Ордой⁷⁹. События стали развиваться, однако, в другом направлении. После того как в начале июля 1668 г. Дорошенко с частью войск и татарскими союзниками покинул Левобережье, начался постепенный переход левобережных полков на русскую сторону, тем более что Алексей Михайлович объявил об отмене реформ 1660-х гг. В марте 1669 г. на раде в Глухове были приняты новые статьи, определявшие положение левобережного Гетманства в составе Русского государства и избран новый гетман — Демьян Многогрешный. Управление духовенством взял в свои руки Лазарь (Баранович). Избранный гетманом и митрополитом политический курс имел негативные последствия для судеб православия на белорусских и украинских землях. Вступив в противостояние с Польско-Литовским государством и не имея возможности взять над ним верх, власти Гетманства и митрополит утратили возможность влиять на положение православных на землях Западной Украины и Белоруссии, где

укреплялись позиции униатской Церкви. Опираясь при этом на поддержку России они не могли, поскольку находились с ней в открытом конфликте.

Несмотря на неудачу, в Чигирине все же рассчитывали в будущем осуществить свои планы при поддержке османов. Важный шаг в этом направлении был предпринят на Корсунской раде, собравшейся в марте 1669 г. Участники рады объявили османскому послу о своей готовности перейти под покровительство султана. На гетмана были публично возложены присланные султаном одежды⁸⁰. В это время митрополит Иосиф находился в Корсуне, но в раде не участвовал. Еще до созыва рады он выступил в Чигирине с проповедью, в которой говорил, что полякам верить нельзя, ссылаясь при этом на судьбу, постигшую Выговского, несмотря на его заслуги перед Речью Посполитой⁸¹. Тем самым, хотя и не прямо, митрополит поддержал политический курс гетмана. На раде османский посол обещал в будущем дать людей, пушки и снаряжение, в настоящем же он поднял вопрос об участии казаков в войне Османской империи с Венецией на Крите⁸². Таким образом вопрос о помощи гетману и митрополиту со стороны Турции отодвигался на неопределенное будущее.

Когда планы Дорошенко завоевать Левобережье завершились полной неудачей, митрополит Иосиф начал искать иные способы возвращения этой части митрополии под свою власть. В феврале 1669 г. стало известно о его намерении посетить Киево-Печерский монастырь, чтобы похоронить там останки митрополита Дионисия (Балабана)⁸³. Эта явная попытка возобновить прерванные контакты встретила сочувственный отклик ряда высокопоставленных представителей духовенства Левобережья. Сближение Гетманства с Османской империей, нашедшее выражение в решениях Корсунской рады, вызывало здесь глубокое беспокойство. «Непокорные овцы бегут к волку», — писал Лазарь (Баранович)⁸⁴. В их глазах митрополит Иосиф (Тукальский) обладал высоким авторитетом как борец за интересы православия, пострадавший за свои убеждения, и они полагали, что благодаря его вмешательству удастся избежать перехода Гетманства под власть «бусурман». 8 марта 1669 г. Лазарь (Баранович) обратился к митрополиту с письмом, в котором извещал о «вольностях», которые получило казачье войско от царя Алексея Михайловича по соглашению, заключенному в Глухове. Архиепископ Лазарь убеждал адресата, что «никогда бусурман их не даст». Письмо заканчивалось обращением: «Святыня твоя, всеа Росии пастырь, обрати и всю Росию к православному монарху российскому»⁸⁵. Весной 1669 г. с письмом к царю обратился Иннокентий (Гизель). Сообщая о решениях рады в Корсуне, он выражал надежду, что митрополит сможет помешать переходу Гетманства под власть Османской империи. «Муж мудрый, — писал он царю о Иосифе (Тукальском), — благочестивый, православия презельный ревнитель, веры святыя восточные столпы неколебимый». О его верности православию говорят перенесенные им преследования, и «за его ревность ко православию к нему весь чин здешней благоволит». Если он вернется на митрополичий стол в Киеве, полагал Иннокентий (Гизель), то «казаки... с турком соединятся не похотят»⁸⁶. В подтверждение истинности своих слов Иннокентий (Гизель) при-

слал письмо митрополита, в котором выражались пожелания, чтобы Алексей Михайлович «равно» с Владимиром Киевским установил свою власть «над всем православным российским народом, егоже долгота от Путивля за Перемышль и Самбор, аж до Санока, широта же от Днестра до Двины и за Двину»⁸⁷.

В Москве, однако, располагали иными сведениями о роли митрополита Иосифа (Тукальского) в событиях, предшествовавших Корсунской раде. Весной 1669 г. к этим сообщениям присоединились новые свидетельства. Освободившийся из плена киевский полковник Василий Дворецкий, говоря о роли митрополита и гетмана, отметил, что Украину «под турецкую мочь те две особы поддают и силно наклонити хотят»⁸⁸. Тогда же в Москву попало письмо митрополита к переяславскому полковнику Дмитрию Райче с предложением перейти на сторону Дорошенко⁸⁹. В итоге Алексей Михайлович отказал Иосифу (Тукальскому) в его просьбе посетить Киев⁹⁰.

Проявленная митрополитом Иосифом (Тукальским) готовность вернуться в Киев привлекла к себе внимание главы Посольского приказа Ордина-Нащокина, решившего воспользоваться случаем и осуществить свои планы мирного присоединения Правобережной Украины к Русскому государству. В ряде записок, поданных царю в конце весны 1669 г., он доказывал, что почва для этого должно подготовить установление церковной связи между Киевской митрополией и Московским патриархатом. Следует добиваться, писал он, чтобы Константинопольский патриарх «учинил... в нынешнее время отпущение Киеву от себя к Московскому святителю». По его плану об этом должен был ходатайствовать Киевский митрополит, а его просьбу мог бы поддержать находившийся в Москве Александрийский патриарх Паисий, «судия вселенной»⁹¹. В дальнейшем это способствовало бы разрыву между Гетманством и «бусурманами». Он также высоко оценивал роль и значение митрополита в украинском обществе. «А того, государь, митрополита Тукальского все народы русские заступником в вере называют и равного ему никого не ставят»⁹². Учитывая реальную роль и планы митрополита, этот замысел Ордина-Нащокина следует признать еще менее реальным, чем надежды, которые возлагали на митрополита Лазарь (Баранович) и Иннокентий (Гизель). Тем не менее переговоры между Ординым-Нащокиным и Иосифом (Тукальским) некоторое время продолжались. Митрополит жаловался на упадок православия в «Литовской земле», на отступничество шляхты, а Ордин-Нащокин отвечал, «похваляя страдания за благочестивую веру православного пастыря кир Иосифа»⁹³, но к конкретным результатам эти переговоры не привели.

Дипломатические маневры Иосифа (Тукальского) не имели нужного ему результата, ему не удалось распространить свою власть на Левобережье. Летом 1670 г. он жаловался, что левобережный гетман Многогрешный «возбраних послушания и благословления сподоблятися» у него, и «в Киеве духовному чину приказано, ни с чем к нему, митрополиту, не отзываясь, отцу Софоновичу [игумену Михайловского монастыря.— Б. Ф.] во всем послушным быти»⁹⁴. В этих условиях митрополит предпринял весьма своеобразную попытку достичь своей цели. Его посланец брацлавский протопоп Роман

Ракушка (вероятно, автор «Летописи самовидца») сумел получить грамоту, в которой Константинопольский патриарх угрожал «проклятием» гетману Демьяну, если тот не отдаст незаконно захваченное имущество о. Романа⁹⁵. Располагая этим документом, митрополит через своего посланца о. Мартирия стал требовать, чтобы гетман разослал «универсал» о подчинении левобережного духовенства его власти, угрожая в противном случае публично огласить в церквях текст Патриаршей грамоты. Гетман выполнить это требование отказался и просил защиты у царя. После предпринятых в Константинополе усилий патриарх в октябре 1670 г. послал гетману свое благословение⁹⁶. Другая попытка вернуть Левобережье под власть Иосифа (Тукальского) имела место на рубеже 1671–1672 гг., когда после окончания войны османов с Венецией обозначилась перспектива скорого прихода турецких войск. Многогрешного убеждали перейти на сторону Дорошенко, чтобы сохранить свой пост и свои владения. В этих тайных переговорах участвовал и митрополит Иосиф. Он прислал из Канева икону, на которой присягал левобережный гетман. Брату Демьяна Многогрешного Василию митрополит писал, что «милостивым... стараньем... гетмана чаёт в Киеве святым поклониться и там быть»⁹⁷. Но эти планы были раскрыты, Многогрешного арестовала левобережная старшина. Во время следствия гонец, ездивший от Многогрешного в Канев, привел слова митрополита: «Сами добре ведаете, при ком хан, то и господин, а есть столь много у салтана сил, что как ляхом, так и Москве дастся знать»⁹⁸. С такими настроениями Иосиф (Тукальский) и его окружение ждали скорого прихода на Украину османских войск.

Переговоры, которые и митрополит, и гетман вели с царем и его советниками в 1669–1671 гг., имели еще одну цель — не допустить наступления русских войск на правобережное Гетманство, пока на Украину не придут османские войска. Как писал митрополит Иосиф Иннокентию (Гизелю), гетман «неотменно с христианскими государствами желает жить в миру и на бурсурман вооружатися готов будет, толко б царское величество и король... сохранять их в покое изволили»⁹⁹. С этой же целью в те же годы велись переговоры с Речью Посполитой об условиях, на которых правобережное Гетманство могло бы возвратиться под ее власть. Обширный документ с изложением пожеланий Войска Запорожского был составлен в июне 1669 г. для послов на элекционный сейм, закончившийся выбором на польский трон князя Михаила Вишневецкого. Неизвестно, обсуждался ли данный документ с представителями государственных органов Речи Посполитой. Другой документ был подготовлен в начале октября 1669 г. для послов, отправленных на коронационный сейм. Сейм был сорван, и поэтому эти предложения не обсуждались, но была достигнута договоренность об организации комиссии для проведения переговоров с Войском Запорожским¹⁰⁰.

Первый документ содержал развернутые обвинения в адрес униатских иерархов, которые в своих епархиях захватывали православные церкви и монастыри. Войско Запорожское требовало, как и ранее, ликвидировать унию и передать православным церковные учреждения и имущества, находившиеся в руках униатской Церкви. Кроме того, особо отмечалась необходимость ото-

брать имущество православных, оказавшееся у иезуитов. Речь шла также об освобождении церковных владений от поборов, о создании особого трибунала для разбора дел, касающихся православных, и о создании кроме Киево-Могилянской академии еще двух академий — в Гоще (на Волыни) и в Могилеве¹⁰¹. Несомненно, в составлении этого документа участвовал митрополит. Помимо очевидных общих соображений можно отметить такие характерные детали, как жалоба на Тетерю, похитившего денежные средства и ризы из Каневского монастыря¹⁰², и предложение передать на содержание этого монастыря доходы Чигиринского староства¹⁰³. Как отмечалось выше, Успенский монастырь в Каневе в эти годы служил постоянной резиденцией митрополита. Охарактеризованные положения были повторены в развернутой форме в инструкции послам на коронационный сейм. Там подробно и конкретно характеризовалась организация судебного трибунала по делам, касающимся православных, указывалось, что в Могилеве и Гоще не должно быть допущено образование других училищ, прежде всего иезуитских, особенно подчеркивалось, что православное приходское духовенство должно быть уравнено в правах с католическим¹⁰⁴.

Важное место занял вопрос о положении православных в Польско-Литовском государстве и в предложениях, подготовленных в Чигирине для переговоров с комиссарами Речи Посполитой в Остроге в 1670 г. Предложения эти во многом повторяли то, что излагалось в предшествующих инструкциях. Снова говорилось о ликвидации унии и передаче церковных учреждений и имуществ из рук униатов в руки православных. Подчеркивалось, что обе Церкви, православная и католическая, должны пользоваться одинаковыми правами, а митрополит и епископы должны занять места в сенате рядом с католическими епископами. Предлагалось предоставить Киевской академии права и привилегии Краковского университета. От предшествующих документов новая инструкция отличалась более решительной постановкой вопросов. В ее заключительной части указывалось, что, пока не будет принято решение о ликвидации унии, послы Войска Запорожского не должны приступать к обсуждению каких-либо других вопросов¹⁰⁵. Появление таких острых формулировок польские политики связывали с воздействием Иосифа (Тукальского), и король пытался через Иннокентия (Гизеля) убедить митрополита, чтобы тот способствовал заключению соглашения, митрополиту было обещано вознаграждение¹⁰⁶. Как и следовало ожидать, переговоры закончились безрезультатно¹⁰⁷. Скорее всего, ни власти Гетманства, ни митрополит Иосиф и объединившиеся вокруг него духовные лица не рассчитывали, что Речь Посполита примет эти условия. Их выдвижение позволяло затягивать переговоры в ожидании благоприятной международной ситуации. Но эти документы дают представление о целях, которых хотели добиться гетман и митрополит в своей религиозной политике, опираясь на поддержку Османской империи.

Летом 1672 г. долгим ожиданиям пришел конец. Сам султан Мехмед IV во главе большого войска вступил на украинские земли. С походом в гетманской ставке связывали большие надежды расширения Гетманства за счет

не только Речи Посполитой, но и Левобережной Украины. В разгар военных действий русским властям поступило сообщение, что митрополит пишет «к Дорошенку подо Львов, чтобы он, Дорошенко, с войски шел к Киеву для промыслу»¹⁰⁸. Однако до Киева в то время османские войска не дошли. Как известно, военная кампания была для османов успешной. Находившаяся в состоянии глубокого внутривосточного кризиса Речь Посполита оказалась не в состоянии дать отпор армии султана. Войскам последнего сдалась одна из главных крепостей на юге страны — Каменец-Подольский. 26 сентября началась осада Львова. 16 октября войну завершил Бучачский договор, условия которого продиктовала Османская империя. Султану были представлены предложения гетмана, предусматривавшие ликвидацию унии и возвращение православным церковных учреждений и имуществ, а также признание Иосифа (Тукальского) единственным законным Киевским митрополитом¹⁰⁹, однако в самих переговорах представители Дорошенко не участвовали. При составлении договора предложения гетмана не были приняты во внимание. Не получило по договору никаких приращений и правобережное Гетманство, занятая османскими войсками Подолия была включена в состав Османской империи¹¹⁰. Таким образом, султан и его сановники не проявили никакого желания ни усиливать позиции православия в Восточной Европе, ни укреплять правобережное Гетманство. Итоги войны сильно ударили по всей политической концепции, которой митрополит и гетман придерживались в течение ряда лет. Одновременно укрепилась и зависимость Гетманства от Османской империи. В начале 1673 г. в Чигирин прибыли османские послы, которые привели гетмана и старшину к присяге на верность султану, «а приводил-де их ко кресту Иосиф, митрополит Тукальской»¹¹¹.

В течение некоторого времени в Чигирине рассчитывали, что территория Гетманства будет расширена за счет земель Левобережья. Здесь полагали, что османские войска, перезимовав на территории Дунайских княжеств, весной 1673 г. двинутся в поход на Киев. 23 января 1673 г. митрополит Иосиф обратился с письмом к киевским мещанам, заявляя о своей готовности выступить как посредник между ними и гетманом Дорошенко, чтобы, своевременно капитулировав, они спасли город от разграбления. К февралю 1673 г. относятся высказывания Иосифа (Тукальского), что лучше было бы царю «Киев Дорошенку отдать добровольно, чтоб в том кровопролития не было, а салтан-де идет под Киев с великими силами»¹¹². Однако поход османов на Киев весной—летом 1673 г. не состоялся. Возникли сложности при выполнении условий мирного договора с Речью Посполитой. Сыграло свою роль, вероятно, и то, что к весне 1673 г. русское правительство сосредоточило в районе Киева значительные военные силы.

Со времени османского наступления стало серьезно меняться отношение духовенства Левобережной Украины к митрополиту. Нежинский протопоп Семен Адамович назвал его «губителем веры православной». Последовал разрыв отношений между митрополитом и Иннокентием (Гизелем). Еще летом 1672 г. «за приводом и приказом отца Тукальского» Феодосий (Василевич) отобрал имения Киево-Печерского монастыря под Могилевом¹¹³.

Позднее Иннокентий (Гизель) писал в Москву, что «злой гонитель», как он назвал в своей грамоте Иосифа (Тукальского), после занятия Киева османами намерен владеть Печерским монастырем, выгнав оттуда архимандрита и братию¹¹⁴.

Постепенно и на Правобережной Украине стали выясняться последствия решений о приглашении османов в Восточную Европу. На положение православных на землях Речи Посполитой митрополит Иосиф мог влиять еще менее, чем прежде, так как он окончательно стал *persona non grata* в глазах польских политиков. Одновременно важные перемены произошли на вошедшей в состав Османской империи территории Подолии. Население облагалось высокими налогами и за их неуплату обращалось в рабство¹¹⁵. Весной 1673 г. был осуществлен набор молодежи в султанскую армию — «молодых робят 800 человек»¹¹⁶. В Каменце снимали купола и кресты с церквей, большую их часть обратили в мечети, священников подвергали унижениям и оскорблениям¹¹⁷. Мужское население было принуждено принять ислам¹¹⁸. На территории самого Гетманства османские войска вели себя так, что в начале 1673 г. Дорошенко пришлось хлопотать о грамоте, которая ограждала бы христианские храмы на территории «Украинского вилайета» от насилия¹¹⁹. В самом Чигирине во время крестного хода представитель султана требовал «сорвать» с митрополита митру, так как «в Царьграде у грек никогда так не ходят»¹²⁰. Под воздействием всего этого менялись настроения населения Правобережной Украины. Возвращавшийся весной 1673 г. из Стамбула русский голец Василий Даудов сообщал, что здесь его «по селам и местам полковники, и ясаулы, и рядовые казаки, и мещане... принимали, поили и кормили... и провожали версты по три и по четыре со слезами, а молят Бога, чтоб быть у царского величества в подданстве»¹²¹.

Одновременно с подписанием Бучачского договора изменилась международная ситуация. По этому соглашению Речь Посполита уступила земли правобережного Гетманства Османской империи. Тем самым русское правительство могло начать борьбу за Правобережную Украину, не нарушая условий Андрусовского договора. При этом в Москве рассчитывали, что митрополит и гетман, осознав последствия своей политики, будут способствовать мирному присоединению правобережного Гетманства к Русскому государству. 16 марта 1673 г. командующему русскими войсками на Левобережной Украине Г. Г. Ромодановскому были отправлены царские милостивые грамоты для гетмана, митрополита Иосифа и правобережных полковников¹²². В грамоте, адресованной митрополиту, Алексей Михайлович говорил о своем согласии принять правобережное Гетманство под свою власть и обеспечить его защиту от османов в союзе с другими христианскими государями. Казачеству были обещаны такие же права, какими пользуется Войско Запорожское на Левобережье. Царь напоминал митрополиту о его пожеланиях, чтобы царь установил свою власть «над всем православным российским народом», обещал милость и жалованье¹²³. Само собой разумелось, что Иосиф (Тукальский) вернулся бы на митрополичий стол в Киеве. Грамоты не были переданы адресатам из-за противодействия Лазаря (Барановича) и левобережного гетмана

Ивана Самойловича, но в июне 1673 г. поручение начать переговоры было дано Иннокентию (Гизелю). Со своим письмом, в котором настоятель Киево-Печерского монастыря призывал митрополита перейти под власть царя, он отправил в Канев иеромонаха Серапиона (Полховского)¹²⁴.

Для гетмана и митрополита открывалась возможность содействовать мирному объединению украинских земель по обоим берегам Днепра под русским протекторатом, что содействовало бы сохранению православия на Правобережной Украине и усилило бы позиции Русского государства как защитника прав православных в Польско-Литовском государстве. Некоторые свидетельства источников говорят как будто о том, что и гетман, и митрополит испытывали сомнения в правильности избранной ими политической линии. Согласно одному из рассказов, на раде, собравшейся в Чигирине, митрополит Иосиф выступил с поучением, порицая тех, кто служит туркам, разоряет церкви и строит мечети. По словам рассказчика, это поучение вызвало раздраженную реплику одного из главных лиц в Гетманстве — обозного Гулака: «Уж ты нас усоветовал, так не скоро отсоветуешь»¹²⁵. Сохранилось и свидетельство о гневе гетмана на митрополита, который своими советами загнал его в «поганскую неволю»¹²⁶. Переговоры продолжались с июня по октябрь 1673 г. Серапион (Полховский) совершил 3 поездки в Чигирин. Дорошенко добивался, чтобы его признали гетманом обоих берегов Днепра, а царь вывел бы русские войска из Киева, обязался не вмешиваться во внутреннюю жизнь украинского общества и скрепил свое обязательство присягой. Требования Дорошенко не соответствовали его реальному положению, а сам гетман не пользовался в Москве таким доверием, чтобы вывести из Киева русские войска. К тому же, как показали переговоры с посланцами генерального есаула Якова Лизогуба, казаки, резко порицая политику Дорошенко, предлагали «многих ратных людей на ту сторону Днепра в скорых временах прислать, покаместа турецкие войска не наступят»¹²⁷. Митрополит мог бы воспользоваться своим влиянием, чтобы добиться быстрого и мирного соединения украинских земель и освобождения правобережного Гетманства от османского протектората, но он этого не сделал. Его участие в переговорах выразилось только в том, что он советовал принять условия, предложенные Дорошенко¹²⁸. В результате в конце 1673 г. в Москве было принято решение прервать переговоры и послать за Днепр войска. В начале февраля 1674 г. войска Ромодановского и левобережного гетмана Самойловича подступили к Каневу и находившиеся в нем казаки во главе с Яковом Лизогубом сдали город. Митрополит бежал из своей резиденции в Чигирин¹²⁹. Начался переход на русскую сторону правобережных полков, и на раде в Переяславе 15 марта 1674 г. Самойловича избрали гетманом обоих берегов Днепра. В конце июня 1674 г. русские войска осадили Чигирин. Во время обстрела города был разрушен дом Иосифа (Тукальского) и он сделался «от страху болен»¹³⁰. Приход на помощь Дорошенко османской армии позволил освободить Чигирин от осады, но поведение османских войск, целиком уничтоживших все мужское население города Умань, лишило Дорошенко всякой поддержки в украинском обществе. Началось массовое бегство людей с Правобережья за Днепр.

Политическая ситуация вновь изменилась, после того как сейм 1673 г. разорвал условия Бучачского договора и война Польско-Литовского государства с Османской империей возобновилась. Польская сторона восстановила контакты с властями Правобережной Украины. Уже в 1673 г. в Чигирин как представитель Речи Посполитой приезжал Львовский православный епископ Иосиф (Шумлянский). Он обещал Дорошенко пожизненное гетманство, а Иосифу (Тукальскому), что «митрополия... до живота его привилеями отдана будет»¹³¹. В самом конце 1674 г. король Ян III Собеский направил в Чигирин посольство во главе с тем же Иосифом (Шумлянским)¹³². В начале 1675 г. Дорошенко сообщил посольству условия, на которых он соглашался вернуться под власть Речи Посполитой. В этих условиях, как и в более ранних исходивших от него документах, гетман настаивал на ликвидации унии, на передаче православным всех церковных имуществ и кафедр, на уравнении в правах православных приходских священников с католическими, на предоставлении православному митрополиту и епископам мест в сенате¹³³. Вероятно, в составлении этого, как и более ранних документов, принимал участие митрополит Иосиф. Этот документ несомненно свидетельствует о стремлении обеспечить православным более широкие права на территории Польско-Литовского государства. Вместе с тем очевидно, что собственной политикой гетман и митрополит довели положение дел до такого состояния, когда у них не было никаких возможностей добиться принятия польско-литовской стороной этих условий. Большая часть территории Гетманства уже реально не подчинялась Дорошенко. За Днепр в 1675 г. стали уходить не только простые люди, но и приближенные гетмана. В ответе короля не говорилось ни о ликвидации унии, ни о возвращении православным какого-либо имущества, утраченного в предшествующие годы¹³⁴.

В начале 1675 г. митрополит Иосиф был уже сильно болен. Он ослеп, у него отнялись ноги, и 26 июля 1675 г. он скончался¹³⁵. Униатский митрополит Киприан Жоховский (тот самый, что отобрал у Иосифа Лещинский монастырь), сообщая о его смерти в Рим, писал, что покойный был «воплощением всякого зла... ожесточенным врагом моим и моего предшественника, яростным преследователем святой Римской Церкви и святой унии»¹³⁶. Действительно, многие поступки митрополита свидетельствуют о его несомненной преданности своей вере и Церкви, но стремление защищать свою веру и свою Церковь без России и против России привело его на тот путь, который не принес ничего хорошего ни православию, ни православной Церкви на украинских и белорусских землях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Литинський В.* Україна на переломі. 1657–1659. Філадельфія, 1991. С. 205, 228.

² *Смирнов Ф.* Виленский Свято-Духов монастырь. Вильна, 1888. С. 78.

³ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее — АЮЗР). Т. 8. СПб., 1875. С. 395. См. также: *Грушевський М. С.* Історія України—Руси. Т. 9/2. Київ, 1931. С. 1380.

- ⁴ *Degiel R.* Protestanci a prawosławni. Patronat wyznaniowy Radziwiłłów birżańskich nad Cerkwią prawosławną w księstwie Słuckim w XVII w. Warszawa, 2000. S. 27–28, 60.
- ⁵ *Praszko I.* De Ecclesia Ruthena catholica sede metropolitano vacante. 1656–1665. Romae, 1944. P. 46–47.
- ⁶ Находился в Киеве уже в октябре 1657 г. (АЮЗР. Т. 4. СПб., 1863. № 46. Стб. 77).
- ⁷ Там же. № 51. С. 83 и след.
- ⁸ *Degiel R.* Protestanci a prawosławni... S. 39, 58–59; *Заборовский Л. В.* Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х — 80-х гг. XVII в. Ч. 1. М., 1998. С. 183, 223, 226–232.
- ⁹ *Mironowicz A.* Prawosławie i unia za panowania Jana Kazimierza. Białystock, 1997. S. 154.
- ¹⁰ Публикацию текста см.: Ibid. S. 173–174.
- ¹¹ См. сообщения нежинского протопопа Максима Филимоновича: АЮЗР. Т. 5. СПб., 1892. Стб. 379.
- ¹² О тексте договора см.: *Беднов В. А.* Православная Церковь в Польше и Литве (по Volumina Legum). Минск, 2002. С. 256–259.
- ¹³ Цит. по: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 7. М., 1996. С. 270.
- ¹⁴ *Эйнгорн В. О.* Очерки по истории Малороссии в XVII в. М., 1899. С. 154, 156.
- ¹⁵ *Макарий (Булгаков), митр.* Указ. соч. Кн. 7. С. 272–273.
- ¹⁶ *Bendza M.* Tendencje unijne względem Cerkwi prawosławnej w Rzeczypospolitej w latach 1674–1686. Warszawa, 1987. S. 156–157.
- ¹⁷ *Беднов В. А.* Указ. соч. С. 261–262.
- ¹⁸ *Mironowicz A.* Op. cit. S. 194–197.
- ¹⁹ Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам. Минск, 1848. № 129.
- ²⁰ Там же. № 131.
- ²¹ Как «наместник метрополии Киевское» он фигурирует в документе июня 1663 г. (Там же. № 132).
- ²² Там же. № 133.
- ²³ См. письма П. Тетери М. Пражмовскому от 6 и 14 ноября 1663 г.: Памятники, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов, Высочайше утвержденною при киевском, подольском и волынском генерал-губернаторе. Т. 4. Киев, 1859. № LXXXII, LXXXIV.
- ²⁴ Там же. № LXXXV.
- ²⁵ Текст привилея см.: Собрание древних грамот и актов... № 135. О дате документа см.: *Bendza M.* Op. cit. S. 164.
- ²⁶ Собрание древних грамот и актов... № 134.
- ²⁷ АЮЗР. Т. 5. СПб., 1867. № 87.
- ²⁸ Архив Юго-Западной России. Ч. 1. Т. 4. Киев, 1871. № 12.
- ²⁹ Літопис самовидця. Київ, 1971. С. 96.
- ³⁰ Памятники, изданные Временною комиссиею... Т. 4. № XC.
- ³¹ *Крикун М.* Між війною і радою. Казачтво Правобережної України в другій половині XVII — на початку XVIII століття. Київ, 2006. С. 122.
- ³² Архив Юго-Западной России. Ч. 2. Т. 2. Киев, 1888. № XXIX.
- ³³ Он даже просил крымского хана добиться освобождения митрополита (*Эйнгорн В. И.* Указ. соч. С. 320–321).
- ³⁴ *Wójcik Z.* Nieznane dokumenty do biografii Pawła Tetery, Jerzego Chmielnickiego i Józefa Tukalskiego // Przegląd historyczny. 1961. № 3.
- ³⁵ *Крикун М.* Указ. соч. С. 214–215
- ³⁶ Там же. С. 224–225.
- ³⁷ Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Т. 2. Вильна, 1867. № 54.

- ³⁸ Еще в августе 1667 г. на «консистерском суде» в Могилеве он разбирал дело о наезде игумена Кутеинского монастыря на Буйницкий монастырь. См.: Археографический сборник... Ч. 1. Вильна, 1867. № 79.
- ³⁹ Крикун М. Указ. соч. С. 302–303.
- ⁴⁰ Там же. С. 293–294.
- ⁴¹ Беднов В. А. Указ. соч. С. 265.
- ⁴² Крикун М. Указ. соч. С. 293.
- ⁴³ Літопис самовидця... С. 102.
- ⁴⁴ АЮЗР. Т. 7. СПб., 1872. № 34. Стб. 92.
- ⁴⁵ Археографический сборник... Т. 7. Вильна, 1878. № 109.
- ⁴⁶ АЮЗР. Т. 7. № 34. Стб. 92.
- ⁴⁷ Археографический сборник... Т. 2. № 54.
- ⁴⁸ АЮЗР. Т. 7. № 34. Стб. 92.
- ⁴⁹ Katalog dokumentów tureckich. Cz. 1: Dokumenty do dziejów polskich i krajów ościennych w latach 1455–1672 / Oprac.: Z. Abrahamowicz. Warszawa, 1959. № 372. S. 351.
- ⁵⁰ АЮЗР. Т. 6. СПб., 1869. № 68.
- ⁵¹ Там же. № 71. Стб. 245.
- ⁵² Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 5. СПб., 1853. № 71.
- ⁵³ АЮЗР. Т. 7. № 34. Стб. 92–93.
- ⁵⁴ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Собр. 1. Т. 1. СПб., 1830. С. 665, 668.
- ⁵⁵ Там же. Т. 1. № 420. С. 728–731.
- ⁵⁶ АЮЗР. Т. 6. № 71. Стб. 247–248.
- ⁵⁷ Санин Г. А. Правобережная Украина и русско-польские переговоры 1667 г. в Москве // История СССР. 1970. № 1. С. 135.
- ⁵⁸ АЮЗР. Т. 6. № 71. Стб. 236.
- ⁵⁹ Там же. Стб. 240.
- ⁶⁰ Там же. Стб. 242.
- ⁶¹ Там же. Стб. 245–246.
- ⁶² Там же. Стб. 234, 248 и др.
- ⁶³ Там же. Стб. 231.
- ⁶⁴ Там же. Стб. 259.
- ⁶⁵ Там же. Стб. 235.
- ⁶⁶ Там же. Т. 7. № 4. Стб. 4.
- ⁶⁷ Там же. № 32. Стб. 85.
- ⁶⁸ Літопис самовидця... С. 103.
- ⁶⁹ АЮЗР. Т. 7. № 11/II. Стб. 31.
- ⁷⁰ Письмо послал А. Л. Ордину-Нащокину литовский референдарь Киприан Павел Бжостовский в марте 1668 г. (РГАДА, ф. 79. (Сношения России с Польшей)), 1668 г., № 3, л. 186, 257).
- ⁷¹ Там же, л. 262–266.
- ⁷² Правда, когда «добрый человек» не только не получил обещанной ему булавы, а был убит по приказу Дорошенко, то никаких протестов со стороны митрополита не последовало.
- ⁷³ АЮЗР. Т. 8. СПб., 1875. Стб. 66.
- ⁷⁴ Там же. Т. 7. № 31. Стб. 77; № 47. Стб. 136.
- ⁷⁵ Крикун М. Указ. соч. С. 251–252.
- ⁷⁶ АЮЗР. Т. 7. № 31. Стб. 78.
- ⁷⁷ См. письмо Феодосия (Василевича) Богуславу Радзивиллу от 25 сентября 1668 г.: Археографический сборник. Т. 7. № 113.
- ⁷⁸ АЮЗР. Т. 8. № 73. Стб. 218–219. О передаче «статей» турецким властям см.: РГАДА, ф. 89 (Сношения России с Турцией), кн. 8, л. 301–302.
- ⁷⁹ Археографический сборник... Т. 7. № 113.

- ⁸⁰ Крикун М. Указ. соч. С. 265–266.
⁸¹ Там же. С. 279.
⁸² Там же. С. 266–267.
⁸³ АЮЗР. Т. 8. Стб. 120.
⁸⁴ Письма Преосвященного Лазаря (Барановича). Чернигов, 1865. № 56. С. 65.
⁸⁵ АЮЗР. Т. 8. № 26. Стб. 107–108.
⁸⁶ Там же. № 30. Стб. 131–132.
⁸⁷ Там же. Стб. 132–134.
⁸⁸ Там же. № 79. Стб. 229.
⁸⁹ Там же. № 37. Стб. 141–142.
⁹⁰ Там же. № 41.
⁹¹ Там же. Т. 9. СПб., 1877. № 2. Стб. 8–9; Эйнгорн В. И. Указ. соч. С. 578–579, 591–598.
⁹² АЮЗР. Т. 9. № 2/III. С. 21.
⁹³ Там же. № 60/I и II. Стб. 255, 257.
⁹⁴ Эйнгорн В. И. Указ. соч. С. 661.
⁹⁵ Літопис самовидця... С. 110.
⁹⁶ Подробную характеристику этого эпизода см.: Эйнгорн В. И. Указ. соч. С. 696–699, 705–709, 719.
⁹⁷ Там же. С. 809.
⁹⁸ АЮЗР. Т. 9. № 147/XIV. Стб. 723–724.
⁹⁹ Там же. № 8. Стб. 43.
¹⁰⁰ Крикун М. Указ. соч. С. 288–290.
¹⁰¹ Там же. С. 292–295. Там же см. публикацию краткого изложения этого документа.
¹⁰² Там же. С. 295.
¹⁰³ Там же. С. 297, 300.
¹⁰⁴ Там же. С. 302–304.
¹⁰⁵ АЮЗР. Т. 9. № 47. Стб. 196–208; *Perdenia J.* Hetman Piotr Doroszenko a Polska. Kraków, 2000. S. 223–225.
¹⁰⁶ *Perdenia J.* Op. cit. S. 227–228; Эйнгорн В. И. Указ. соч. С. 715.
¹⁰⁷ *Perdenia J.* Op. cit. S. 234.
¹⁰⁸ Эйнгорн В. И. Указ. соч. С. 883. Нежинский протопоп Семен Адамович писал в ноябре 1672 г. А. С. Матвееву, что «губитель веры православные христианские митрополит Тукальской беспрестанно посылает к нему, чтоб шол под Киев, обнадеживая его, что мало людей». (АЮЗР. Т. 11. СПб., 1879. № 33. Стб. 82–83).
¹⁰⁹ *Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego / Zebr. i wyd. Fr. Kluczycki.* Т. 1. Cz. 2. Kraków, 1881. S. 1112.
¹¹⁰ Текст Бучачского договора см.: Ibid. S. 1113–1114.
¹¹¹ АЮЗР. Т. 11. № 54. Стб. 151.
¹¹² Эйнгорн В. И. Указ. соч. С. 887.
¹¹³ Там же. С. 864.
¹¹⁴ АЮЗР. Т. 11. № 55. Стб. 175.
¹¹⁵ *Kolodziejczyk D.* Podole pod panowaniem tureckim: Elajet Kamieniecki, 1672–1699. Warszawa, 1994. S. 88.
¹¹⁶ АЮЗР. Т. 11. № 71. Стб. 242.
¹¹⁷ Ojczyste spominki w pismach do dziejów dawnej Polski. Kraków, 1845. S. 172–174, 198.
¹¹⁸ *Kolodziejczyk D.* Op. cit. S. 115.
¹¹⁹ *Dorošenko D. Ripka J.* Hejtman P. Doroszenko a jeho turecká politika // Časopis Narodního muzea. Т. 107, Praha, 1933. S. 42–43.
¹²⁰ Эйнгорн В. И. Указ. соч. С. 887.
¹²¹ РГАДА, ф. 89 (Сношения России с Турцией), кн. 13, л. 59 об. – 60.
¹²² Эйнгорн В. И. Указ. соч. С. 900.
¹²³ АЮЗР. Т. 11. № 57. Стб. 203–206.

Б. Н. ФЛОРЯ. МИТРОПОЛИТ ИОСИФ (ТУКАЛЬСКИЙ)

¹²⁴ *Эйнгорн В. И.* Указ. соч. С. 908–909, 914. Письмо Иннокентия (Гизеля) см.: АЮЗР. Т. 11. № 81.

¹²⁵ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 6. М., 1961. С. 455.

¹²⁶ РГАДА, ф. 79, 1674 г., № 1, л. 5.

¹²⁷ АЮЗР. Т. 11. № 55. Стб. 166–170.

¹²⁸ Подробное изложение переговоров см.: *Эйнгорн В. И.* Указ. соч. С. 914–924, 929–935, 943–946.

¹²⁹ Там же. С. 956.

¹³⁰ Там же. С. 963.

¹³¹ Там же. С. 910–911.

¹³² О подготовке посольства см.: *Woliński J.* Król Jan III a sprawa Ukrainy. 1674–1675. Warszawa, 1934. S. 20–23.

¹³³ Ibid. S. 24.

¹³⁴ Ibid. S. 28.

¹³⁵ *Эйнгорн В. И.* Указ. соч. С. 997.

¹³⁶ *Bendza M.* Op. cit. S. 34.

Е. А. Кузьмина, Н. В. Николенкова*

Грамматика церковнославянского языка Ивана Иконника: история создания

В собрании рукописей Музея-заповедника «Московский Кремль» (№ кн. 213) Н. В. Николенкова обнаружила рукописную Грамматику церковнославянского языка, составленную в 1733 г. Иваном Иконником: «Грамматика беседословная». С этим заголовком книга указана в описи собрания рукописных книг Московского Кремля, так же на л. 17 об. назвал ее автор (на переплете указано название «Грамматика»); далее в статье трактат обозначается ГИ¹. В описаниях рукописного собрания Кремля и Оружейной палаты данное сочинение фигурирует с 1881 г. как «Грамматика 18 века в 8 долю листа на 221 листе». Уже первое знакомство с рукописью не оставило сомнений в том, что перед нами грамматика, фрагменты которой были приведены в труде Ф. И. Буслаева «Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков»²: цитированные в хрестоматии отрывки соответствуют листам 12–12 об. и 179 об.–180 рукописи. Хранитель фонда рукописных и старопечатных книг музея «Московский Кремль» Е. В. Исаева, благодаря которой нам представилась возможность работать с рукописью, сообщила, что, по имеющимся в архивах музея данным, до Октябрьской революции 1917 г. ГИ находилась в экспозиции в палатах бояр Романовых как элемент оформления комнаты для занятий, где вместе с букварем Кариона Истомина представляла типичное учебное пособие XVIII в.

Ф. И. Буслаев сообщил о принадлежности рукописи князю М. А. Оболенскому³, который с 1840 г. являлся управляющим Главным архивом министерства иностранных дел, в 1853 г. был назначен заведующим Государственным древлехранилищем хартий, рукописей и печатей при московской Оружейной

* © Кузьмина Е. А., 2009

Елена Александровна Кузьмина, кандидат филологических наук, доцент Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

© Николенкова Н. В., 2009

Наталья Владимировна Николенкова, кандидат филологических наук, доцент Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

палате. Удалось установить, что ГИ была куплена князем Оболенским для своего собрания во 2-й половине 1840-х гг. Она фигурирует в прижизненной описи собрания Оболенского под № 133 как «Грамматика начала XVIII в. Оригинал Ивана Иконника. На 221 листе»⁴. Рядом с описанием карандашная помета: «У г-на Буслаева 1851, 11 февраля», сделанная, по-видимому, владельцем рукописи. В 1857 г. князь Оболенский был назначен председателем ученой комиссии по возобновлению палат бояр Романовых. Он лично занимался устройством музея, в том числе вопросами оформления интерьера. В документах комиссии регулярно отмечается, как будет обустроена детская комната. В письме князю Н. И. Трубецкому, принимавшему активное участие в деятельности комиссии, 2 апреля 1859 г. князь Оболенский писал, что в детской должен быть «столлик для ученья, на оный положатся в ветрине: букварь, азбуки, указка», позже в черновых бумагах добавлена «черта (линейка)»⁵. Экспозиция в палатах Романовых открылась 22 августа 1859 г., с большой долей вероятности можно предположить, что ГИ к тому времени уже была передана коллекционером музею. По-видимому, хранение ГИ в музейной экспозиции во 2-й половине XIX в. и 1-й четверти XX в. стало причиной того, что данная грамматика оставалась вне поля зрения исследователей, в частности, не вошла в обзоры С. К. Булича⁶ и И. В. Ягича⁷ и не была изучена ни в текстологическом, ни в лингвистическом отношении⁸. В настоящей статье, которая открывает цикл работ, посвященных исследованию этого рукописного грамматического трактата, рассматриваются возможные обстоятельства его появления и выявляется круг источников, использованных при его создании.

ГИ представляет собой рукопись в 8°. На л. 2 указана дата создания — 7241 (1733) г. Первоначальная нумерация листов была сделана в XIX в., вероятнее всего археографом, составившим описание книжного собрания князя Оболенского (почерк составителя описи аналогичен почерку человека, представившего цифры на листах рукописи). Составитель описания при нумерации листов ГИ столкнулся с серьезными проблемами, так как в рукописи есть не только переплетенные листы (217 листов с текстом на обеих сторонах и лист с записью на одной стороне), но и много вставных листов и полулистов. Некоторые вставки содержат черновой материал к ГИ, на части вставных листов — небольшие дополнения к основному тексту; особо следует выделить л. 84а — это купчая. До л. 102 археограф нумеровал только переплетенные тетради (после л. 40 обозначен ошибочно л. 42). После л. 102 начинается путаница в фолиации: некоторые вставные листы нумеруются (л. 103 и 109), другие нет. В результате общее число листов в рукописи отмечено как 221, эти сведения даны в прижизненной описи собрания князя Оболенского, они же повторяются при упоминаниях ГИ. Позже, вероятно в XX в., были пронумерованы вставные листы, полулисты и вклейки, они содержат дополнительные буквенные пометы. Пронумерованных таким образом вставных листов и вклеек 16: это листы 42а, 53а, 65а, 68а, 68б, 68в, 68г, 84а, 89а, 93а, 103а, 125а, 126а, 130а, 180а, 183а. Было пронумеровано также большинство тетрадей рукописи (славянской цифирью): на л. 11 стоит помета 2, помета 3-й тетради —

на л. 22, далее на л. 48 — 6, л. 58 — 7, на л. 66 — 8, на л. 74 — 9, на л. 82 — 10, на л. 90 — 11, на л. 105 — 13, на л. 122 — 15, на л. 139 — 17, на л. 147 — 18, на л. 155 — 19, на л. 163 — 20, на л. 171 — 21, на л. 195 — 24, на л. 203 — 25, на л. 211 — 26, на л. 219 — 27. Таким образом, объем тетрадей колеблется от 11 (2-я тетрадь) до 8 листов (большинство тетрадей), последняя тетрадь неполная.

Рукопись содержит 8 иллюстраций: персонифицированное изображение Грамматики с размещенным ниже толкованием (л. 16)⁹ и 7 искусно выполненных схем: структура орфографии как науки (л. 35 об.), структура этимологии (л. 37), древо «осми частей слова» (л. 39), схемы частей речи (имени, местоимения, глагола, наречия) с указанием их грамматических категорий или семантических разрядов (л. 79, л. 98, л. 102 об., л. 123 об.). Также в рукописи представлено 8 инициалов: Г (л. 2, 17 об.), И (л. 5), Б (л. 17), Е (л. 18 об.), Д (л. 35), Ч (л. 36), Н (л. 197).

Большая часть рукописи написана одним почерком (далее — 1-й почерк) полууставом с элементами скорописи, по 30 строк на листе, с выделением киноварью заголовков, подзаголовков и красных строк. Очень аккуратный почерк может трансформироваться, появляется больше скорописных элементов, но способ написания отдельных букв, общий характер оформления текста и орфография позволяют говорить о единстве почерка. Обладателю 1-го почерка принадлежит не только основной текст Грамматики, но и пометы на полях, представляющие собой либо глоссы, либо вставки в текст, либо ссылки на источники (см. далее). Все иллюстрации и инициалы содержатся в частях рукописи, написанных первым писцом.

2-й почерк отмечается на л. 57–66, им заканчивается раздел «О роде» в части «Имя» (2 страницы), им же написан практически весь раздел «О виде» имен. Почерк более крупный, размашистый, в нем больше скорописных элементов, меньше строк на странице (21). На страницах, написанных 2-м почерком, встречаются записи первого писца. Это пометы на полях, позволяющие четче структурировать раздел «О виде», некоторые редакторские исправления, а также правка фрагментов, сделанная поверх 2-го почерка (вклеен фрагмент с новой записью). Первый писец при этом вынужден несколько изменять свой почерк, следуя более крупному и размашистому почерку второго. Внеся исправления, первый писец сменяет второго и заканчивает раздел «О виде».

3-м почерком (л. 105–123 об.) написан раздел «Причастие» и большая часть раздела «Наречие», начало 3-го почерка совпадает с началом тетради 13. Характер почерка свидетельствует о стремлении писца подражать печатным изданиям. В разделе «Наречие» листы, написанные 1-м и 3-м почерками, чередуются. Листы 110 и 111 написаны 3-м почерком, на л. 111 встречается правка первого писца. Лист 112 целиком написан 1-м почерком, далее текст продолжает третий писец. Написанные 2-м и 3-м почерками части рукописи не имеют выделения красных строк, заголовков.

Есть в рукописи почерк (считаем его 4-м), характер которого не позволяет однозначно соотнести его с каким-либо из 3 названных выше в силу большего использования элементов скорописи. Им сделаны многие записи на полях, преимущественно на л. 86 об.— 102 об. (раздел «О глаголе»), и на вклад-

ных листах. Записи сделаны до переплетения рукописи, о чем свидетельствуют многочисленные обрезанные пометы (л. 91, 92 об. и т. д.). Орфографическая норма обладателя данного почерка практически идентична норме основного писца, но обрезанные части не позволяют говорить об этом с полной уверенностью. Мы предполагаем, что эти записи сделаны автором основной части рукописи, но без соблюдения должной аккуратности.

Кроме того, в рукописи много помет на полях, вклеек и вкладных листов, написанных почерком, совпадающим с почерком вложенной между листами 84 и 85 купчей (л. 84а): «В сей книге, глаголеми Грамматице, имеется 26 тетрадей, и за куюждо тетрадь написания заплатит по 17 копеек, что составляет цены 4 рубли 42 копейки, за фигуры 1 рубль, за переплет 18 копеек. И есть за ню вся сумма пять рублей шестьдесят копеек. Цена сия токмо за труды написания, а не за собрание и сочинения ея, в неже писатель сам люботщателне потрудися, за что не земных, но н[е]б[ес]ных воздаянии достойно ему желати». Судя по всему, этот почерк (5-й) принадлежит человеку, купившему рукопись (быть может, заказавшему ее?), а затем использовавшему «Грамматику беседословную» в учебных целях. Все вклейки и вставные листы, написанные 5-м почерком, носят характер грамматического комментария. Их анализ показал, что многие вставки помещаются поверх записей на полях, сделанных 4-м почерком, и идентичны им (например, запись на л. 32). Это позволяет высказать предположение, что обладатель 5-го почерка не делал собственных записей, но аккуратно переписывал пометы, уже содержащиеся в тексте, добиваясь бóльшей четкости. Подтверждением такого предположения служит вкладной л. 53а (4-й почерк) и вклейка 54а (5-й почерк), текст которых идентичен.

Рукопись написана на бумаге. Наиболее четкие фрагменты филиграней («Pro patria» и части букв АГБ) находятся на л. 221, 219, 211, 209, 98. Можно предположить, что была использована бумага фабрики Афанасия Гончарова¹⁰. Правда, наиболее ранняя из приведенных в каталоге филиграней этой фабрики датирована 1735 г. При этом известно, что производство существовало с 1720-х гг., а Гончаров стал совладельцем фабрики в 1732 г.¹¹

Бóльшая часть рукописи (196 листов) содержит ГИ, в оставшейся части помещено несколько сочинений, посвященных риторике. Включение их в рукопись, вероятнее всего, было более поздним решением. Запись об окончании работы над Грамматикой и переходе к труду над риторикой дана на л. 196 об. 4-м почерком. Использование нескольких почерков может указывать на то, что рукопись воспроизводит уже готовый оригинал. Однако этот предполагаемый источник нам неизвестен, не были обнаружены и сведения о грамматических сочинениях подобного рода. Мы полагаем, что ГИ является оригинальным произведением, составленным под руководством Ивана Иконника (так автор себя именуется в заключении первого предисловия на л. 4 об.: «Вам доброжелатель Иван Иконник»). Ему же принадлежит основной, 1-й, почерк рукописи, таким образом, бóльшая ее часть представляет собой автограф Ивана Иконника. По-видимому, составитель был вынужден воспользоваться услугами двух помощников, которые написали в общей

сложности 30 листов под его наблюдением. Работой одного из них Иван Иконник остался недоволен и вносил в части, написанные 2-м почерком, исправления и дополнения. Работа третьего писца подверглась меньшей правке.

В оригинальности ГИ нас убеждает характер редакторской правки обладателя 1-го почерка. Многочисленные пометы на полях, вставки, вклейки свидетельствуют о тщательной работе над формулировками правил, об их уточнении и дополнении, а не о восстановлении пропусков, совершенных при переписывании. Так, на л. 32 после правила, задающего перечень позиций, в которых не допускается «разделение» (перенос) слов, помещена вклейка, дополняющая этот перечень. В ней Иван Иконник особо оговаривает недопустимость переноса «слитной» «й»: «Знаменаи же и се: речение, не докочав, несть лепо на другую страну листа пол ея или слог кии [за помешательств] преносити, но, идеже начася, докочав, другую страну [листа] начинати [вклейка: Того ради и не леть на ину строку преносити. Такожде и о слитных да разумеется, ибо и тыя слога не составляю[т], но елико их будет писмен под единым суть слогом, яко: пой, стой, достойная и сей, твой, лей, лий, ей и прочая]». Комментарий к употреблению «прилагательного» глагола «чту» на л. 88 об. сопровождается пометой на полях, уточняющей, о каком действии идет речь: «Я, Иоанн, делаю что? Чту. Иоанн по действию своему [помета на полях: чтения] гл[аго]л приложеный приемлет сеи: чту и чте[т]». Неоднократно на полях рукописи или в конце страницы приводятся варианты грамматических дефиниций: «Уравнение есть: имены прилагателными, могущими уравняться, по степенем уравнения между вещи разнство случая указание. [На полях: Уравнение есть наречение имене приравнение[м] единых к другою]. [Притисано в конце: Уравнение есть по известны[м] степене[м] имене прилагателнаго в конце изменение: напри/мер/: красныи, и про[ч].]» (л. 47). Аналогичные уточнения и дополнения Ивана Иконника имеются и к тексту, написанному 2-м почерком: «Вид есть первоположенных вещи и [зъ]явление и производных разделение. [На полях: Вид есть первообразнаго и производнаго речения различии]» (л. 59); «Тогда, егда четвертаго склонения на двогласное -ей приемлет: яко Андрей, иерей, Елисей, о[т] нихъже происходи[т]: Елисеев, иереев, Андрее[в]. [На полях: ей — двогласне по-гречески]» (л. 61).

Никаких сведений об Иване Иконнике обнаружить не удалось. Тем не менее некоторые предположения об обстоятельствах появления его грамматического трактата и, вероятно, о месте проживания книжника (или о его происхождении?) могут быть сделаны на основании использованного им иллюстративного языкового материала. Наше внимание привлекли приведенные Иваном Иконником на л. 40 примеры имен собственных — названия городов: Москва, Ямполь, Стародуб, Кромы; сел: Ставрово, Деменка, Случонки, рек: Волга, Сура, Днепр, Сожь, Ипутъ и проч. Этот выбор нельзя считать случайным, достаточно вспомнить аналогичные примеры в Грамматике Мелетия (Смотрицкого): если в первом издании, вышедшем в Евье в 1619 г., назван город Вильно (л. 20 об.), то во втором, опубликованном в 1648 г. в Москве, вместо Вильно указана Москва (л. 76 об.).

Следуя современным картам, мы отметили регион, подробно описанный Иваном Иконником: Днепр, его приток река Сожь, притоком последней оказалась река Ипуть, в этом районе находится и город Стародуб. На современных картах в этом же районе есть населенный пункт Деменка, но нет села Случонки. Города Кромы и Ямполь и сейчас расположены неподалеку от Стародуба (южная часть Брянской области, север Сумской области Украины, юго-запад Орловской области). Нами было принято решение привлечь к исследованию карты XVIII в., чтобы уточнить, как та же территория отражена на них (возможно, для иллюстрации автор выбрал географические названия, указанные на доступных ему печатных картах). Оказалось, что интересующий нас регион был впервые картографирован в 1745 г.¹²: обозначен регион Стародуб — Кромы (оба города к северу от Новгорода Северского), южнее — город Ямполь. Однако отмеченные в данном атласе гидронимы не соответствуют ни реалиям настоящего времени, ни описанию Ивана Иконника. В частности, большая часть реки Сожь в атласе названа Днепром, а река Ипуть (приток реки Сожь) обозначена как Сочь. Почти все указанные Иваном Иконником топонимы (совпадающие с современными) присутствуют в атласе 1792 г.¹³ В нем мы обнаружили названное в ГИ село Деменка на реке Ипуть, недалеко от слияния последней с рекой Сожь. Таким образом, наше предположение о том, что выбор топонимов в ГИ не произволен, подтвердилось. Представленные в перечне Ивана Иконника города (Стародуб, Кромы, Ямполь), реки (Днепр, Сожь, Ипуть) и село Деменка расположены в окрестностях Стародуба, хорошо известных книжнику. На этот же район указывает и еще один пример из ГИ: на л. 62, говоря об именах «вида отечественного», Иван Иконник приводит формы «стародубин, стародубец».

Стародуб и его окрестности в XVII–XVIII вв. входили в Стародубский полк. В описаниях Стародубского полка в XIX в. А. М. Лазаревского мы обнаружили еще одно название, употребленное Иваном Иконником, — Случонки, которое объединяет ряд деревень и сел (Случок, Хмелевка, Суходолье и др.), расположенных по берегам реки Случанки¹⁴. Эти деревни стали самостоятельными населенными пунктами в середине XVIII в., ранее они составляли одну территориально-административную единицу — Случонки. В работе Лазаревского содержатся также сведения о селе Деменка¹⁵, позволяющие объединить рассмотренные выше топонимы с тремя другими, упомянутыми в ГИ, — селом Ставрово во Владимирской области и реками Волгой и Сурой, место слияния которых находится в Нижегородской области.

Часть территории Стародубского полка, обозначенная в ГИ, с 1669 г. являлась местом компактного проживания бежавших из Москвы старообрядцев. «У період із 1684 р., коли буть засновані слободи Деменка та Єленка, до 1710 р. на Стародубщині виникло 16 поселень старовірів»¹⁶. На рубеже XVII и XVIII вв. жители Стародубья поддерживали тесные контакты с расположенным неподалеку Ветковским старообрядческим центром (на территории современной Гомельской области Белоруссии). Число старообрядческих слобод было особенно велико в Стародубье в правление Петра II (1727–1730 гг.) и Анны Иоановны (1730–1740 гг.)¹⁷. Рядом с селами

создавались старообрядческие монастыри, например Успенский и Покровский. На той же территории (хотя и вне прямой связи со старообрядцами) упоминаются другие монастыри, например основанный в 1720-х гг. Суражский (Волосовицкий) мужской Благовещенский монастырь на реке Ипуть, закрытый при Екатерине II¹⁸. Рост числа последователей «старой веры» в Стародубье в 1-й четверти XVIII в. связан с разорением властями другого старообрядческого района — на границе современных Владимирской и Нижегородской областей вдоль реки Керженец, протекающей между местом впадения Суры в Волгу и районом, где расположено село Ставрово. После разорения этого центра керженские староверы переселились в Стародубье¹⁹.

В исторических описаниях Стародубья содержатся сведения о высоком уровне грамотности населения (преимущественно старообрядческого), о развитии книгописания. Этому способствовало и влияние ветковских монастырей — крупных центров книжности и иконописания, и широкая антистарообрядческая деятельность, осуществлявшаяся в регионе властями, которая требовала от старообрядцев развернутого обоснования своей позиции. В Стародубье были созданы такие старообрядческие полемические сочинения, как «История о бегствующем священстве» Ивана Алексея²⁰, «100 вопросов о кресте», выступающее в делах Синода как сочинение «Михаила Григорьева, климовского жителя, по профессии иконника, приятеля Ивана Алексея»²¹. О высоком образовательном уровне стародубских староверов свидетельствуют слова ветковского летописца, что он «вместе с Иваном Алексеевым “самоучкою” изучал Граматику и Риторику с Диалектикой Лихудиевы»²². Действовавшие в крае православные миссионеры стремились бороться со «староверием» с помощью развития школьного дела. Одним из наиболее активных антистарообрядческих деятелей 1-й половины XVIII в. был Нижегородский епископ Питирим († 1738 г.). Выходец из стародубских староверов, он после присоединения к православной Церкви стал одним из распространителей образования в Нижегородской епархии, основав там в 1721 г. школу при архиерейском доме²³. Сподвижник епископа Питирима Иосиф (Решилов), также выходец из старообрядцев, был послан Синодом проповедовать среди стародубских староверов²⁴. Для осуществления своей миссии Иосиф просил Синод выдать ему: «7) Лексикон словенской, киевской печати; 8) Алфавит азбучной, письменной; 29) Барония; 34) Граматику московскую; 52) Регламент»²⁵. О значимости сочинения Цезаря Барония для антистарообрядческой пропаганды речь пойдет ниже, остальные же книги, включая «Духовный регламент», содержащий распоряжения об обязательном школьном обучении детей, свидетельствуют о намерении организовать учебный процесс. Действительно, в период пребывания Иосифа (Решилова) в Стародубье были открыты школы, в частности, есть сведения о созданной в 1720 г. школе св. Иоанна Предтечи²⁶.

Приведенные факты позволяют предположить, что грамматическое сочинение Ивана Иконника было создано в Стародубье в старообрядческой среде. Подтверждением этому служат использование в сочинении написания «Іс» под титулом (например, л. 31), полууставные почерки, указание даты написания трактата от сотворения мира.

Материалы для своего труда Иван Иконник черпал из различных источников, некоторые из них упомянуты в ГИ, автор рекомендует обращаться к этим сочинениям за дополнительной информацией: «До внимае[т] во оныя Грамматики, яже во учение и[з]данны суть» (л. 102 об.), «прочая же да созерцаются в Лексиконе и в Грамматике в четвер[ть], изданней при Иосифе патриарсе» (л. 30). Под Грамматикой в четверть, изданной при Патриархе Иосифе, имеется в виду московское издание Грамматики Мелетия (Смотрицкого) 1648 г. (далее — ГМ). Следует отметить, что эта ссылка дана в разделе «Орфография», написанном с опорой на ГМ. Под изданными Грамматиками помимо ГМ, вероятно, подразумеваются Грамматики Федора Поликарпова 1721 г. и Федора Максимова 1723 г., а под Лексиконом — «Лексикон треязычный» Федора Поликарпова 1704 г.

Ориентация Ивана Иконника как на указанные им сочинения, так и на другие тексты, требующие атрибуции, проявляется не только в вопросах грамматической систематики или приведения языкового материала. Привлекая широкий круг источников, Иван Иконник обосновывает необходимость и важность изучения грамматики. Этому посвящены 2 предисловия к ГИ: «О Грамматике, неким уч[е]н[и]ком во дни учения своего в навывание свое и изволяющи[x] написанней ле[та] 7241-го, предисловие» и «О ч[ес]ти, силе [же] и пользе книг учения» (л. 1–15), содержащие многочисленные цитаты и реминисценции. Проведенное исследование позволило установить сочинения, на которые опирался Иван Иконник при создании предисловий к ГИ.

Предисловия к ГИ обнаруживают непосредственную зависимость от ГМ. В первом предисловии прослеживается влияние заключительной части предисловия и послесловия к ГМ. Второе предисловие к ГИ зависит от основной части предисловия к ГМ. Заключительная часть предисловия к ГМ — «Похвальная словеса сея бл[а]женныя и с[вя]тыя книги Грамматики, да не не рекутся, яко бы от лица ея быти реченным» (л. 40 об.— 44) представляет собой фрагмент «Сказания о семи свободных мудростех»²⁷, в котором персонифицированная Грамматика рассказывает о себе, подчеркивая свою роль как начала всех наук, «ключа», отверзающего «дверь разумения» (л. 41), и являя себя как дар Божий («Б[о]жие дарование нарицатися хочу» (л. 40)), ниспосланный всем «тщасимся и желающим» (л. 43). Дословная цитата из «Похвальных словес» — апология грамматики — приведена Иваном Иконником в начале 1-го предисловия:

ГИ	ГМ
Ничто же во уме своем бл[а]го что обрящет, аще не познав и не уразумев мене (л. 1 об.)	Сего ради никто же во уме своем благо что обрящет, аще не познав и не уразумев мене (л. 41).

В соответствии с принятой в первом предисловии к ГИ формой изложения от первого лица преобразован другой заимствованный фрагмент, который основан на вводной части статьи «С[вя]т[о]го Иоанна Дамаскина о осмих частех слова, елика пишем и г[лаго]лем». Скорее всего, и в данном случае

Иван Иконник мог ориентироваться на предисловие к ГМ, которое включает введение к «осмочастию» (л. 17 об.— 18) с подзаголовком: «От книги подобнаго о[т]ца Иоанна Дамаскина». Это предположение подтверждают ссылки на полях ГИ, демонстрирующие, что, излагая начало статьи «О осмих частех слова» (ссылка «Иоанн Дамаски[н] на Грам[м]атику») и цитируя «Похвальные словеса...» (ссылка «таможе»), Иван Иконник пользовался одним и тем же источником, т. е. ГМ. Ср.:

ГИ

Прежде всего бытия Создате[ль] излия мя, и ч[е]л[ове]к еще не бы[сть], аз пре[д] Вышним служах. А егда в плоти Слово процвете и умныя д[у]ши силы, тогда аз явихся (л. 1 об.).

ГМ

По Б[о]жию образу созданному ч[е]л[ове]ку и слова почтенному саном, сего части, имиже состоится, не бе[з] учения оставити потреба. Аще бо и кроме сих в д[у]ши состоится слово, якоже учат б[о]гоноснии о[т]ци, но ко второму рождению плоти, еже устами и гласом из[ъ]являему и прочими сего орудми плоти, тогда и частей к составлению требует. Кроме бо сих из[ъ]яснити о нихже слово немощно (л. 17 об.— 18)²⁸.

К «Похвальным словесам» восходят также рассуждения Ивана Иконника о многоуровневой структуре грамматики («писмена → слоги → слова») и осмысление ее постижения как последовательного восхождения от одного уровня к другому:

ГИ

Темже и начало свое Грамматика от писмен иматъ, начертанием убо сих и слогами и речении [*на полях*: составляющися], провождающе и во[з]водяще учащагося до естественнаго познания словесе и в нем таящагося разума постижения. Ихъже ради и книга сия наречена бысть Грамматика (л. 2).

ГМ

Якоже древнии Понамид и иже древних лет случашаяся обрете мудрый Промефеус, с нима же и Комид — сии бо начертанием мя во еллинох составиша, и тростию назнаменаша, и писмена, рекше буквицу, собраша... И таковыми писмены слоги счинити умыслиша, якоже рещи: по, или до, или ба. И таковым по согласию со ударением снемшимся, г[лаго]л являют, якоже рещи: подобаше. Или некую от осми едину часть объявляет и, частем по разуму съшедшимся, уставно слово составляет. Якоже рещи: больши всех есть добродетелей любовь. И тако мною составляхуся вся чиновныя статии, и съплетаемыя

стихи, и начинаемая главы, и накончаемая свитки, и вся прочитаемая книги. И таковыя ради вины Грамматику мя нарекоша (л. 41 об.— 42).

Из послесловия-резюме ГМ (л. 387 об.— 388) Иван Иконник заимствовал истолкование термина «грамматика», сопровождаемое этимологическим анализом, и определение грамматики как первой из наук, без знания которой освоение других невозможно:

ГИ

Грамма бо по-еллинскы есть писмо или писание г[лаго]лется, откуду же грамматика писменница, или писанием учителница, есть и наричется (л. 2–2 об.).

Она первая есть наука прочих наук... Она есть дверь и лествица на возшествие високаго разума, и никто кроме ея и прочим наукам бл[а]голепно взыти может. Аще же кто ко иным бе[з]сея наукам приити дерзает или в писании хошет что изследити, аще бы кто и преимея разумом был, всячески погрешит: и рито[р], и философ посмеян будет. Како бо кому мощно на вышния степени взыти, первых не причастившуся? Или како ра[з]решити возможно творческия в писании обретаемая силлогисмы, паче же писати, и читати, и г[лаго]лати добре, аще не сеи кто прежде приобщитя? (л. 3–3 об.).

ГМ

Сию книгу, г[лаго]лемую Грамматику, еже есть писанием учителницу, грамма бо от еллин писмо или писание г[лаго]лется (л. 387).

Сию книгу, г[лаго]лемую Граматику... первую от седмех наук свободных... еюже и к прочим, аще кто восхошет, яко дверию бл[а]голепотне и безтрудне возшествие сотворит. Без сея бо приходит дерзая кто к сим или и в писаниих покушаяся изследити, аще и зело преимея разумом будет, всячески погрешити имать. Како бо кому взыти возможно на последния степени, первых не причащшуся? Или како разрешити возможно в писаниих обретаемая творческия силлогизмы, паче же писати, и читати, и глаголати добре, аще не сеи кто первее приобщився? (л. 387–387 об.).

Совпадения с основной частью предисловия к ГМ (л. 1–40 об.) обнаруживаются во 2-м предисловии к ГИ. Как и предисловие, составленное московскими редакторами ГМ Михаилом Роговым и Иваном Наседкой, предисловие Ивана Иконника подчинено задаче обосновать необходимость «учения грамматического» как средства постижения богооткровенной истины. Иван Иконник использует ту же систему аргументации важности книжного учения, которая представлена в ГМ: в качестве доказательств значимости грамматики в обоих текстах приведены цитаты из Священного Писания, творений отцов Церкви и житий святых. Примечательно, что, апеллируя к авторитету Священного Писания и предания, Иван Иконник опирается на те же цитаты,

которые содержатся в предисловии к ГМ. Так, например, в ГИ приводится дважды повторенный в ГМ фрагмент из Евангелия от Иоанна:

ГИ
 ...Не Сам ли С[ы]н Б[о]жии повелевая г[лаго]лет: «Испытайте писание» [Ин 12. 50] (л. 10).

ГМ
 Сам убо Г[оспо]дь рече, Сп[а]ситель наш и Б[о]г, яко Иоанн ева[нге]-лист свидетельствует: «Испытайте писания, яко вы мните в них имети живот вечный» ([зач.] 17) [Ин 12. 50] (л. 1).

Великии же Анастасии Синай-ский паки глаголет, яко Хр[и]стос Б[о]г наш учит ны, глаголя: «Испытайте писания и в них обрящете живот вечный» (Иоа[нн. зач.] 17) [Ин 12. 50] (л. 38).

Следующая за данной цитатой фраза в ГИ также демонстрирует близость к ГМ:

ГИ
 Ты же вопреки г[лаго]лещи: «На что испытovati?» (л. 10).

ГМ
 Сице убо глаголют таковии, иже в писаниих б[о]жественых словес разуму не прилежащее, паче же и мнози, яко несть нужда, еже испытovati писания и учения многа (л. 34 об.—35).

Иван Иконник включает в свое предисловие, частично цитируя, частично пересказывая, входящий в ГМ отрывок из Беседы свт. Иоанна Златоуста на Послание апостола Павла к Римлянам²⁹:

ГИ
 Неси ли чел николи же, яко зло есть не поучение книг: отгуду нерадивое жительство, и воли Б[о]жия презрение, и всяк еретический недуг возрасте. Поистинне вем, яко [на полях: запрещающий] учатся разума не своею, но диаволею кознию сице глаголю[т], ибо запрещаю[т]. Диавол весть, яко, идеже незнания учения, тамо незнание его козни (л. 10).

ГМ
 И паки той же во еже от Матфеа [Евангелии]. Велико убо зло, еже не ведети писания, и, якоже скот безсловесен, обносится. Ибо от сего бесчисленная зла раждаются от неведения писании. От сего лютии еретический возрасте недуг, от сего небрегомая и неисправленная жития, бесприбытка труди, помрачение души, дияволя прелесть (л. 39–39 об.).

В некоторых случаях можно предположить, что Иван Иконник прибегал одновременно к двум источникам. Так, например, в предисловие к ГИ включено начало 6-й главы 4-го Слова книги «О священстве» свт. Иоанна Златоуста (с ссылкой на полях «Зла[тоуста] книг[и] “О с[вя]щ[енстве]” Сл[ово] 4»), в котором содержатся 2 цитаты из 1-го Послания апостола Павла Тимофею [1 Тим 4. 13; 4. 16]. Книга свт. Иоанна Златоуста «О священстве» была издана на Московском печатном дворе 5 августа 1664 г.

ГИ

Сицева учения изкушена познаваем быти и б[о]ж[ес]твеннейшаго Павла ап[осто]ла, егоже ради да удивление многим бысть. О чем поучаше и Тимофеа, уч[е]н[и]ка своего, г[ла]голя: «Внимаи чтению, учению... Сие бо творя, себе сп[а]сеши и слушающихи[х] тя» [1 Тим 4. 13, 16] (л. 6 об.).

Свт. Иоанн Златоуст.

«О священстве»

А яко убо многое той [апостол Павел] творяше о слове учительства тщание, от сих явленно есть. Глава 6.

Послушай убо, и ученику что вещает, посылая: «Внимаи,— рече,— чтению, утешению, учительству». И иже от сего плод прилагает, гл[агол]я: «Сие творя, и себе сп[а]сеши и слушающихи[х] тя» [1 Тим 4. 13, 16] (л. 101 об.).

Первая цитата [1 Тим 4. 13] дважды фигурирует и в предисловии к ГМ: «Такоже и Павел ап[осто]л, к Тимофею пиша, г[ла]голя: “Внемли чтению, утешению, учению”» (л. 39 об.). Обращает на себя внимание, что использованная Иваном Иконником словоформа «учению» находит соответствие именно в цитате из ГМ («учению»), а не в книге «О священстве» («учительству»).

Очевидна ориентация Ивана Иконника на агиографический цитатный блок предисловия к ГМ (л. 1 об.— 17), представляющий собой «парадигму учености», в которую включены имена отцов Церкви — великих каппадокийцев — и связанных с ними лиц³⁰. Большинство этих святых, овладевших «грамматической премудростью», названы и в предисловии Ивана Иконника: в ГИ пересказан фрагмент Жития свт. Василия Великого, процитированный в ГМ по Великим Четьям-Минеям³¹, и перечислены имена святителей Григория Назианзина и Афанасия Александрийского, преподобных Исидора Пелусиота, Иоанна Дамаскина и Космы Маюмского:

ГИ

Сицеваго ради учения и Василий Великий до Афина вшед, и 15 ле[т] хлеба не вкуси, но точию мало восприемля сурова зелия, дондеже все риторское философское учение проиде (л. 6 об.).

ГМ

И Василии Великийи во Афины прииде равнаго ради тому наказания. Положи в ср[д]ци своем не вкусити хлеба и вина, дондеже от вышняго промышления разумеет Б[о]ж[ест]твенныя прем[уд]рости неизреченныя. Пребысть же во училищих 15 лет, и всю еллинскую мудрость проше[д]

С[вя]тыи Григории Назианзин многа лета учения ради пребысть... Недостанет бо ми коегождо сих различне описати, елико кто к сему тщание возыме, елико кто теплою любовию всем учению труды показа и в нем до презрения самых себе пребываше, якоже: Афанасии Александрийский, Феодор Студит, Исидор Пилусиот, Иоанн Лествичник, Иоанн Дамаскинский, Августи[н], Козма Маиумский и друзии мнози (л. 6 об.— 7).

Завершение перечня отцов Церкви также напоминает аналогичный пассаж из предисловия к ГМ:

ГИ

Оставляю прочих о[те]ц и мужей бл[а]гочестивых, учения многая прошедших, ихъже творения книги любезно и бл[а]гочестно Црк[о]вь Б[о]жия почитает (л. 7).

ГМ

Но убо и не сии точию, ихже с[вя]тых и б[о]гоносны[х] о[те]ц наших и учитель zde вкратце имена помянухом к ревности хотящим учения и уподобитися сим, но ини мнози от с[вя]тых пр[е]п[одоб]ных мужь и учитель и мученик во учении б[о]жественных писании упражнение творяще (л. 19–19 об.).

Развивая идеи Михаила Рогова и Ивана Наседки, Иван Иконник расширяет «парадигму учености» экскурсом в историю школьного образования от Нововавилонского царства в VII–VI вв. до Р. Х. до Византийской империи в XII в. Этот экскурс является компиляцией двух исторических трактатов: «Хрисмологиона» Николая Спафария и «Деяний церковных» Цезаря Барония. Из этих сочинений Иван Иконник отобрал факты просветительской деятельности правителей (ветхозаветных царей, византийских императоров, французских королей), а также сведения о людях, прославившихся своей ученостью.

«Хрисмологион, сиречь Книга, глаголемая пререченнословная» (1672 г.)³², созданный Николаем Спафарием с учетом одноименного труда Паисия Лигарида (1656 г.), содержит толкования на Книгу пророка Даниила. Изъясняя видения пророка, Спафарий излагает историю «четырех монархий»: Халдейской, Персидской, Греческой и Римской. Это сочинение было создано как «визитная карточка» автора, свидетельствующая о его учености.

логион» более других трудов Николая Спафария имел успех и еще при жизни автора переписывался, почти всегда целиком, в десятках экземпляров (известно более 40 списков, близких ко времени написания «Хрисмологиона») ³³. Иван Иконник приводит цитату из предисловия-посвящения царю Алексею Михайловичу, по повелению которого и был создан «Хрисмологион» ³⁴, об учреждении «словесных училищ» в Вавилоне и Византии:

ГИ

В первой монархии Вавилонстей, или Халдеистей, великий Науходоносор ц[а]рь в Вавилоне словесная училища имяше, идеже и Даниил и трие отроцы учияся. Науходоносор же таково тцание о сем имяше, яко и самому между ими сидящу совопрашиватися, о чем Даниил во главе 1-й пишет. От сицева Науходоносорова приклада мнози ц[а]рие во учении устремияся, а наипаче Лев ц[а]рь, ц[а]р[с]твуяи во Ц[а]риграде, многим иждивением училища составль, рече: «Да бы в мое время иждивение, войны ради бываемое, во учение и[э]нурялося» (л. 6). [*Напротив текста помета: Хри[с]мологион пред[и]слобие*].

«Хрисмологион»

Во первой монархии, Вавилонской, или Халдейской, великий Навуходоносор в Вавилоне училище имевше, в немже юноши вси мудрости халдейстей научишася, яко Даниила и триех отроков на тое учение вдаде. И сицевое тцание имейше, яко и сам назираше учение их и с ними глаголаше, яко Даниил в 1-й главе свидетельствует. От такового прилога Навуходоносорова многие царие в учение устремияся, и наипаче Лев царь, иже во Цареграде многим иждивением училище состави и сице рече: «О, если бы в мое время иждивения, яже войны ради чинятся, вся во учения дела потреблены быша!» ³⁵.

Ссылка на второй исторический трактат дана в предисловии к ГИ на л. 7 об.: «пише[т] Баронии» и на полях л. 7: «Баро[нии]». Речь идет о сочинении кардинала Цезаря Барония «*Annales ecclesiastici*», содержащем обзор истории христианской Церкви за 12 веков. Трактат был переведен в России в XVII в. с сокращенного изложения по-польски Петра Скарги и издан в Москве в 1719 г. (полное название: «Деяния ц[е]рковная и гражданская от Р[о]ж[дес]тва Г[оспо]да наше[го] Ии[су]са Хр[ис]та, из летописаний Кесаря Барония собранная. Преведена с полскаго языка на славенский, кроме явных с Ц[е]рковию православною восточною противностей римских, у Барония и Скарги обретающихся. Повеление[м] же его цар[с]каго пресветлаго величества всерос[с]ийскаго Петра Перваго напечатанная в ц[а]р[с]твующем граде Москве первое лета Г[оспо]дня 1719»). Данный труд как справочник по всемирной истории сразу стал чрезвычайно популярен в России, особенно среди старообрядцев (так, выписки из труда Барония содержатся во всех «Цветниках» беспоповцев). Иван Иконник включил в свой исторический экскурс 8 фрагментов из этого трактата, которые, следуя в предисловии друг за другом, образуют единый «цитатный блок» (л. 7–8) ³⁶:

ГИ

В лето Г[оспо]дне 415 во Алек-
сандрии граде бяше Ипатиа д[е]в[и]-
ца, зело учения великаго философ-
скаго, хр[ис]тианина сущи, тако, яко
равнаго ей в то время не бе. И вси
ученыя к ней, аки ко учительнице при-
текаху, и оныи Синесий нарицает ю
уч[и]тльницею своею. Бяше дщерь
Фрона философа, в чистоте жи-
вущая, и у всех житием и высоким
зело учением славимая (л. 7–7 об.).
[На полях запись: Прочи[х] же д[е]в,
философскаго учения искусных, ос-
тавляе[м]] (л. 7 об.).

В лето Г[оспо]дне 510 бяше не-
кий преславный и великородный,
зело прем[уд]р Воетий консул. Той,
40 лет во Афинах учася, всеи фи-
лософии научися. А наипаче любяше
Аристотеля, мало в то время знаемого
у латин, и книги его на латинский
язык трудно и бл[а]гополучно на объ-
яснение преложи (л. 7 об.).

В лето Г[оспо]дне 562 Кассио-
дор преславный уч[и]т[е]ль, в старо-
сти своей не ленился и грамматики
мнихов своих учити и рукою дивная
писмена писати, на доброе и чинное
преписование книг ра[з]личных напи-
са им и учил их риторике, диалек-
тике, мусикии, геометрии и остроно-
мии (л. 7 об.).

В лете Г[оспо]днем 231, пише[т]
Баронии, яко Птоломеи Филадельф,
ц[а]рь египетский, третий по Алек-
сандре, великий любитель книг уче-
ния, собра 500 000 кни[г] слугою сво-
им Димитрием (л. 7 об.).

«Деяния» Барония

Лето Г[оспо]дне 415. Во Алек-
сандрии хр[ис]тиане имеаху со жи-
дами великия бедства и кровопро-
лития, друг на друга находяще... В тех
смятениях убиена бысть Ипатиа
д[е]вица, зело великаго учения фило-
софскаго, христианыня сущи, тако,
яко равнаго ей в то время не бе. И вси
ученыя к ней, аки ко учительнице,
притекаху. И оный Синесий нарицает
ю учительницею своею. Бяше дщерь
Фрона Философа, в ч[ис]тоте живу-
щая и у всех житием и высоким зело
учение[м] славимая (л. 452–452 об.).

Лето Г[оспо]дне 510. Того лета
оный преславный, и великороден,
зело премудр Воетий бе консул. Той,
осмьнадесять лет во Афинах учася,
всеи философии научися, а наипаче
любяше Аристотеля, мало в то вре-
мя знаемого у латин, егоже книги на
латинский язык с великим тщанием
преложи и великий и бл[а]гополуч-
ный труд на об[ъ]яснение их подъя
(л. 574 об.).

Лето Г[оспо]дне 562. Написа Кас-
сиодор много книг, яже сам исчис-
ляет. Во оной старости своей не ле-
нился и грамматике монахо[в] своих
учити, и рукою дивная писмена пи-
сати, на доброе и чинное преписо-
вание книг различны[х] написа им
и учил их риторике, диалектике,
мусикии, геометрии, астрономии
(л. 656 об.).

Лето Г[оспо]дне 231. Птоломей
Филадельф, ц[а]рь египетский, третий
по великом Александре, любитель
книг и учения, собра от всего мира
иждивением великим книги и препи-
совати я и хранити в своей книгохра-
нительнице повеле, вручив я ученому

В лето Г[оспо]дне 330 Констан-
ти[н]ц[а]рь по создани Ц[а]ряграда
училища и академии созда и библио-
теку велику — до 120 000 книг собра
(л. 7 об.).

В лето Г[оспо]дне 425 ц[а]рь
Феодосии школы, или акедемии, об-
нови и исправи, определяя уч[и]те-
леи и число их. Ради латинскаго языка
и рачения его постави трех риторов,
и десять грамматиков, софистов 5,
философа единаго, и двух законо-
учителей, которых на высокия саны
во[з]водить повеле, егда в том труде
22 лета пребудут (л. 7 об.— 8).

В лето Г[оспо]дне 802 оскуде-
вати начаша свободная учения, не
учахуся, токмо грамматики, ейже и
иереи и еп[иско]пи научаху, но вели-
ким Кароло[м] кесарем везде падшья
школы и учения во[з]двизашеся, по-
неже и уч[и]тлеи на сие не бе, аще
кто и желаше учитися. Он же везде в
м[о]н[ас]тырех и еп[иско]пских до-
мех повеле школам быти, учаху же
грамматикии, мусикии, ариифмети-
ки. В Париже школы в то время на-
чашася и потом подаянием королеи
ра[з]ширяхуся (л. 8).

В лето Г[оспо]дне 1118 кесарь
восточный Алексии Комнин основа
грамматическое учение ради школ-
ников убогих, пищею их и уч[и]т[е]ль-
ми снабдевая (л. 8).

слуге своему Димитрию именован
Фалерию; егоже егда ц[а]рь вопроши,
много ли уже книг собра, отвеща:
«Ц[а]рю, уже их имам двесте тысящ
и скоро потщуся, яко их будет пять-
сот тысящ» (л. 140).

Лето Г[оспо]дне 330. Сего лета
Константин град свой Новый Рим,
или Константинополь, Г[оспо]ду Б[о]-
гу ос[вя]ти в память Преч[ис]тыя
Б[огороди]цы 11 маиа... Созда и учи-
лища, и академии, и библиотеку ве-
ликую собра, в которой бе сто два-
дцать тысящ книг (л. 237 об.— 238).

Лето Г[оспо]дне 425. Школы, или
академию, в Константинополи обно-
ви и исправи Феодосий, определяя
учителей и число их. Ради латинска-
го языка и рачения его постави трех
риторов, и десять грамматиков, со-
фистов пять, философа единаго, и
двух законоучителей, которых на вы-
сокия саны возводити повеле, егда в
том труде двадцать и два лета пре-
будут (л. 468 об.).

Лето Г[оспо]дне 802. Век сей
бьяше зело небл[а]гополучен в сво-
бодных учения[х], не учахуся, токмо
грамматики, ейже и иереи и еписко-
пи научаху. И есть в том великая сла-
ва Карола кесаря, яко везде падшья
школы и учения воздвизаше, понеже
и учителей на сие не бе, аще кто и
желаше учитися. Он же везде в мо-
настырях и епископских домех пове-
ле быти школам, учаху же граммати-
ки, мусикии, арифметики. В Париже
школы в то время начашася и потом
подаяние[м] королей ра[з]ширяхуся
(л. 898).

Лето Г[оспо]дне 1118. [Алексий
Комнин] основа учение граммати-
ческое ради школников убоги[х],
пищею их и учителми снабдевая
(л. 1325 об.).

Обращает на себя внимание тот факт, что цитаты из «Деяний» Барония в ГИ приведены с нарушением хронологического порядка: 415 г., 510 г., 562 г., 231 г., 330 г., 425 г., 802 г., 1118 г. Представляется, что причиной тому могло стать желание Ивана Иконника акцентировать тему женской учености. ГИ была создана в царствование Анны Иоановны (1730–1740 г.), как известно, на трон в это время могла претендовать дочь Петра I Елизавета (императрица в 1741–1761 г.). Поставленный Иваном Иконником в начало данного цитатного блока текст о мудрой и благочестивой девице Ипатии (кстати, отредактированный автором, исключившим слова «убиенна был») должен был подчеркнуть тему женской учености. Этой же цели служили приписки на полях около данной цитаты: «О Екатерине же с[вятее] м[у]ч[е]н[и]ци кто не ведеть, коликаго философскаго учения бяше» (л. 7) и «Прочи[х] же д[е]в, философскаго учения искусных, оставляе[м]» (л. 7 об.).

Не исключено, что идея рассказать о вкладе древних правителей в развитие образования могла возникнуть у Ивана Иконника под влиянием предисловия Федора Поликарпова к третьему, московскому, изданию 1721 г. Грамматики Мелетия (Смотрицкого) (далее — Г1721). В начале этого предисловия отмечаются заслуги Петра I в области просвещения и говорится о расцвете наук в его правление: «Понеже непостижимым промыслом создателя нашего Б[о]га, [в Егоже руке ц[а]рево сердце], изволися любомудрейшему всероссийскому нашему монарху Петру, того имене и дел высоки[х] Первому, чрез неусыпное его ц[а]рскаго величества тщание преславное и православное свое г[осу]д[а]рство, якоже иными военными высокими науками и всякими нужными механическими хитростми украсити и обогатити, тако и седми свободны[х] наук, еллиногреческа и латинска диалектов училищами наполнити, в нихже не точию грамматика, риторика, философия, но и самая теология цветет изобилно» (л. 1–1 об.). Одним из аргументов в пользу такого предположения может служить тот факт, что Г1721 была хорошо известна Ивану Иконнику и активно использовалась им при создании второго предисловия к ГИ.

Из предисловия Федора Поликарпова Иван Иконник заимствовал обоснование необходимости освоения церковнославянского языка при помощи грамматических руководств. В 1-й половине XVIII в. в России продолжал господствовать традиционный, текстологический, способ изучения церковнославянского языка, заключающийся в заучивании образцовых текстов. Несмотря на действовавшие уже школы, на распространение печатных Грамматик и указы Петра I 1723 и 1724 г. об обязательности обучения, в том числе и молодых монахов, по грамматическим руководствам³⁷, грамматический подход к освоению языка воспринимался как радикальное новшество и поэтому нуждался в защите. Изложение доводов, основанных на предисловии к Г1721, Иван Иконник завершает ссылкой на авторитет печатного издания: «И не наше сие есть слово, но тако есть напечатано видети есть» (л. 11).

ГИ

Суть же неции суть по[д]злаком цветов скрывающе я[д] свои змиин на уязвление просты[х] в разуме. Умягчаю[т] словеса своя паче елея, и та суть д[у]шевные стрелы: учитья тебе [г[лаго]люще], но а[з]буце, Часословцу и Псалтыри, и тако доволно буде[т] на чтение книги — може[т], чтя, в них разумети. Сего ради а[з] вопрошаю таковы[х]: сия пре[д]реченная чему учать, не писмен ли? Еи, точию писмен. Но книги не точию и[з] писмен, но и и[з] разума составишася. И иная есть писмена, и ина в писменах лежащии разум. Сего ради научивыися писмен учитья требуе[т] и разума [писмен]. Аще ли ни, то како, по вас, без разума писмена буду чести? Исти[н]нии бо разум писмен учение е[сть] грамматики, тако в писмина[х] сущее ведению тщущему препода[ет], наставляет и вся по естеству ра[з]бирае[т]. Бе[з] сея же, чтяи, аще и преимея разумом буде[т], всячески погрешник. И не наше сие есть слово, но тако есть напечатано видети есть (л. 11 об.).

Г1721

Яко издревле российским детоводцем и учителем обычай бе и есть учитьи дети малыя вначале азбуце, потом Часословцу и Псалтыри, таже писати, по сих же неции преподаю[т] и чтение Ап[осто]ла. Возрастающих же препровождают ко чтению и с[вя]щенныя Библии и Бесед ев[анге]лских и ап[осто]лских и к разсуждению высокога во оных книгах лежащаго разумения. А истаго на таковое разсуждение орудия [еже есть грамматика] оным напред не показывают, по чему бы всякое речение, и период, и все слово разбирати, и в подобающий чин разполагати, и крыемую в нем силу разума ра[з]суждати... (л. 2 об. — 3).

По совершении же грамматики трудолюбивый тцатель вникне[т] и сам во чтение С[вя]щеннаго и б[о]ж[ес]твенных книг Писания с лучшим и яснейшим понятием (л. 4—4 об.).

Определения грамматики как «основания» всех наук и «орудия» постижения Священного Писания могли быть известны Ивану Иконнику и из предисловия к Г1721, и из предисловия к Грамматике Федора Максимова «Грамматика славенская въкратце собранная в греко-славенской школе, яже в Великом Новеграде при доме архиерейском» (СПб., 1723):

ГИ

Ибо грамматика есть ч[ес]тнейшая и дражайшая наука и наука всех наук, основанием, аки с[о]лнце пресветло, умы ч[ел]ове[к] просвещающа, вся словесная мастерски ищет пораждати (л. 11 об. — 12).

Г1721

Грамматика есть всех наук основание... Грамматика есть дражайшее паче иных свободных наук знание... Убо сие учение паче всех преславнее есть, ибо показывает путь к прочниим вниманию (л. 3).

Грамматика
Ф. Максимова

Сия [грамматика] во всех школах, яко прочниим наук основание, люботцателем первее преподается (с. 2).

Не зрите ли, како ни малое художество бе[з] приличных орудий не може[т] [*на полях*: совершенства] своего достигнути. Коль паче вещь, всех вещи дражайшая, книжение, бе[з] орудия, наставления не совершается (л. 11 об.).

И, тако читающе по своему ра[з]суждению, мнози о вере погрешаши и до ныне погрешают, впадающе в свое суетное мнение и не знающе осмочастного чиноразположения, аще и разумеют. Яко и последнему малоченному рукоделию бе[з] приличного ему орудия не мощно своего совершенства получитьи, колми же паче высоту и глубину книжных премудрости [еяже ничто потребнее и честнее в житии ч[е]л[ове]ку] бе[з] приличного ей орудия невозможно разумети (л. 2 об.— 3).

Аще не бы кий-либо художник имел потребных орудий к своему художеству, не бы могл добре своего совершенства сотворити... И сия убо: аще в видимы[х] действиях без орудия, наставления и искусства тщетна, трудна и бедственна, колми паче в С[вя]щенном Писании, яже есть мудрости глубина и высота (с. 1).

Возможно, предисловие Максимова послужило для Ивана Иконника не только ориентиром, но и объектом имплицитной критики. Грамматика Максимова представляет собой сокращенную редакцию Грамматики Мелетия (Смотрицкого). Основной принцип, которым руководствовался Максимов при сокращении текста-источника, был сформулирован им в предисловии: «Сей убо нужде, тако належащей, предсудиши за употребление краткости, вопросо-ответное грамматических частей определение оставити, доволну сему в прежде изданных Грамматиках зрящуся и требующих удоволствовати мощу. Сие токмо в сей сокращенней Грамматике положиши, еже грамматического знанию разума нужнейшее есть» (с. 3–4). Таким образом, Максимов отказался от вопросо-ответной формы изложения материала и устранил теоретическое описание, оставив лишь парадигмы. Иван Иконник, напротив, считал, что усвоению грамматики способствует «беседословная» форма: «Мне же, намале сея пречестнейшия сладости вкусившу, и едва свету озарения тоя причастившуся, и токмо прислышателю искусных ра[з]говоров бывшу, для ра[с]тле[н]ныя моея памяти и прочи[х] неведущих [*запись на полях*: якоже свойственно уч[е]н[и]ком] восхотех сию беседословию начертати... Ибо мнози суть ведения сея требующе, но за скудное уч[и]т[е]леи тще бывает. И сею виною движим, поелику ми случися разумети силу тоя, судив а[з], скудоумныи, к памяти своей и требующим сея зде образом беседословным пре[д]ложити» (л. 4–4 об.).

В предисловии к ГИ выявлены интерполяции из «Сказания, како состави святыи Кирилл Философ азбуку». Как известно, «Сказание...» представляет собой одну из редакций трактата «О письменех» черноризца Храбра, созданного в конце IX — начале X в. В этом сочинении не только излагается история создания славянской азбуки, но и содержится опровержение «триязычной ереси»: доказывается, что славянский алфавит не хуже греческого,

еврейского и латинского, восходящих в конечном счете к одному источнику — алфавиту сирийскому, и на славянском языке, так же как и на традиционных языках Священного Писания, возможно выражение богооткровенной истины. «Сказание...» часто использовалось славянскими книжниками для обоснования закономерности возникновения, а главное, «богоугодности» славянской письменности. «Сказание...» было включено Иваном Федоровым во второе издание Азбуки (Острог, 1578 г.), вошло в Букварь, изданный в Остроге в 1590 г., затем практически во все дошедшие до нас буквари XVII в.³⁸ Известны рукописные грамматические трактаты XVII в., где «Сказание...» используется как предисловие (например, ГИМ, Синод., № 938).

Иван Иконник продолжает традицию обращения к «Сказанию...», включая во второе предисловие к ГИ повествование о сотворении Богом сирийского языка и о смешении языков, а также дословную цитату из «Сказания...» о «специализации» народов³⁹:

ГИ

Темже недалече Б[о]г сие знание отведе, но в первом роде прао[т]-ца нашего Адама с[ы]ну третьему Сифу бл[а]говолити на сирском языке десять писмен выразишати (л. 5 об.). Сего ради грядущему роду два столпа устроивше с воображением наук б[о]гооткрове[н]ных. Но за еже ч[е]-л[ове]ко[м] ра[з]делитися на языки, и хитрости на кийждо язык разделишася: египтяном убо землемерие, а еллином грамматикиа, риторикиа и философия дадеся (л. 5 об.— 6).

«Сказание, како состави
святый Кирилл Философ азбуку»

Не сотвори Б[ог] жидо[в]ска языка прежде, и ни еллинска, ни римска, но сирский, имже Адам г[лаго]ла. И от Адама до потопа тои ся язы[к] гл[аго]лаше. И по потопе раздели Б[ог] языки при столпотворении, яко[ж] пише[т]. Размешено же языком, и якоже языци ра[з]месишася, тако и нрави, и обычаи, и уставы, и закони, и хитрости на коиждо языки: египтяном убо землемерие... еллино[м] же грамматикиа, риторика и философия⁴⁰.

Что же касается рассуждений Ивана Иконника о причинах и целях создания письменности вообще, о ее божественном происхождении, то, скорее всего, они восходят не к самому «Сказанию...», а к развивающим его отдельные сюжеты сочинениям «Написание языком словенским о грамоте и о ея строении...» и «Беседа о учении грамоте, что есть грамота и что ея строение...». В этих произведениях, обнаруживающих текстуальную близость, «грамота» интерпретируется как средство общения твари с Творцом, необходимость в котором отсутствовала у еще безгрешного Адама, поскольку он пребывал «купно с Б[о]гом»⁴¹. Грехи же, отделив человека от Бога, лишили его возможности «явственно Б[о]га видети и от С[в]ят[а]го Б[о]жиа Д[у]ха просвещатися»⁴². Однако Господь, умилосердившись о Своем создании, даровал людям грамоту, призванную восстановить утраченную связь и тем самым не лишить людей спасения.

ГИ

Исперва прао[те]ц наш Адам в нетленном разуме агг[е]льски пребывая, не требуя посре[д]ствующее что, доко[ле] ему Б[о]га знати, ума бо единого ч[ис]тота до еже с Б[о]го[м] соединитися довляше ему. Егда же данную в раи заповедь преступль, лишися б[о]говидныя ума ч[ис]тоты... И вне рая ему сущу, в долняя незнания отводити[сь] и от мятежеи, аки от облак же мног, сиянию оному н[е]б[ес]ному от ума его нужда бысть отиматися. Обаче нераскаянно есть о человечестем естестве Б[о]жие устройство, сего ради не презре оно, но вторыми уже посторонними вещми, аки вторыми руково[д]ствами, положи наставлятися, да всячески наше естество во оно устремляется паки, в неже бытие от Б[о]га получи. И сея ради вины велия бысть нужда отверсти ум наш в познание писмен. Темъже недалече Б[о]г сие звание отведе... (л. 5–5 об.)

«Написание языком словенским о грамоте и о ея строении...»

Сея ради вины грамота состроена, яко[ж] Б[о]г созда[л] и бл[а]госло[в]ил ч[е]л[ове]ка животна, плодна, словесна, разумна, смертна, ума и художества приатна, праведна и безгрешна... И по безгрешию ч[е]л[ове]чю явьственню Б[о]г с ним пребываа и беседау лицом к лицу, и Д[у]ху С[в]я[т]ому Б[о]жию г[ла]голющу с ни[м] усты к усто[м]... И егда нача[т] ч[е]л[ове]к плодитися и умножатися... и тогда нача[т] ся множити злоба в человецех и недостойнства... И егда зело умножилася злоба в человеце[х], и изногоша от нея человецы, и недостойны быша явьствено Б[о]га видети и от С[в]я[т]а[го] Б[о]жиа Д[у]ха просвещатися... сия видеи, Б[о]г и м[и]л[осе]рд[о]ва о человечесте[м] роде... но вся на разум приводя и на спасение, яко Б[о]г м[и]л[ос]тив, бл[а]говолити на се соорити грамоту, и, сея навикше, да поне воспоминают си[м] прежняя пребывания Б[о]жиа бл[а]говоления и известны буду[т] истине... И да не ведящей Б[о]га сим Б[о]га уведя[т]... И да не знающей Б[о]га сим Б[о]га познаю[т] и вся преданная Б[о]го[м] в разуме стяжу[т]. И тоа ради вины грамота состроена, да искуснее буду[т] ч[е]л[ове]цы и не удаляются от Б[о]га⁴³.

«Беседа о учении грамоте, что есть грамота и что ея строение...»

Тоя ради вины состроена бысть грамота, понеже прекрепкии Г[ос]подь в Тр[ои]цы славимыи Б[о]г н[а]ш сотворил ч[е]л[ове]ка исперва по образу Своему и по подобию... и дал ему стяжати прем[уд]раго разума, сиречь ум. И без страсти и кроме греха ч[е]л[ове]к пребываше кущно с Б[о]гом, и Б[о]г с ним... И по неколице[х] лете[х] и времени от неприязненна действия начат расти и множитися злоба и удалишася человецы от Б[о]га, и не сподобилася Б[о]га видети... и пребываху много лет в неведении... Прем[и]л[ос]тивии же Б[о]г, милуя создание Свое и не хотя видети в таковом неведении ходяща дело руку Своею, и того ради Д[у]х[ом] С[в]я[т]ым дарова м[уд]р[е]цом составити грамоту, да не знающей Б[о]га сим Б[о]га познают и заповеди Его творят, и немудрии от сего да умудрятся на законы Г[ос]подня и волю Его, и дойдут Ц[а]р[ст]вия Г[ос]подня и правды Его, и внидут в первое свое достояние и уподобление Б[о]жиа с[ы]нотворения, в начальную доброту и утварь⁴⁴.

Параллели для некоторых фрагментов 2-го предисловия к ГИ были обнаружены нами в послесловии к Букварю 1704 г. «Увещание к родителям о воспитании детей». О возможном знакомстве Ивана Иконника с этим текстом свидетельствуют рассуждения автора ГИ о свете учения и тьме неведения; сожаления об упадке современных нравов, проявляющемся в «уничижении разума учения»; прославление божественного дара учения и «дражайшего сокровища» премудрости со ссылками на царя Соломона (в ГИ использованы те же цитаты из Книги Притчей Соломоновых и Книги Премудрости, которые содержатся и в послесловии к Букварю):

ГИ

О силы учения! От сияния его пресветлаго! Поисти[н]не свет учения, ч[ес]тнейше есть с[о]лнца света! Не действует бо свет с[о]лнца то, еже действуе[т] свет учения. Не сотвори бо све[т] с[о]лнца знати Б[о]га, ведати Его волю. Учения ради вся сия в разум на[ш] приведется... Велия есть беда света [телесныма] очима не видети: много паче беднее во тме неведения шататися (л. 9–10).

Но увы мне: в коликия тесноты [днесь] книжное учение прииде. Несть в нем тшасшихся. Поистинне пр[о]роческое оное слово н[ы]не събытсися: злато и серебро повержено на пути, никто же потщится взяти и. Преиде уже ро[д] м[уд]ролюбец, и открышася... суетолюбец. Не глася[т] бо уже трубы гласа Б[о]ж[ес]твенна, но точию яко Содома и Гоморра во[з]вышаются. Оскуде путь Сионь, и несть уже ходящих по нему. Празники опустеша. Аще и суть, но, аки сосуди печатленни, тщи. И[з] всех преде[л] разум учения д[у]шесп[а]сителна и[з]гоняется, гаждается, поносится. Уничижаю[т] тии разум учения... Лукавства же, лжи, гордости тако, яко адовы слуги, исполнь суще, отнюду же ч[е]л[ове]к чювство наипаче омертве, и живых источник не

«Увещание к родителям
о воспитании детей»

Неции же хвалят мудрость, и множищею слышим г[лаго]лющих: учение свет, а неучение тма (л. 4)

Якоже бо неведение Писаний тма есть, по реченному псаломнику[м]: не познаша, ниже уразумеша, во тме ходя[т] [Пс 81. 5]. Тако вопреки ведение Писаний б[о]ж[ес]твенных свет есть, по реченному тем же псаломником: Светилник ногама моима закон Твой и свет стезя[м] моим [Пс 118. 105] (л. 3).

Но горе нынешним временам развращенны[м], в няже обретаются мнози, иже сия дражайшыя бисеры ногами безумне попирают. И, уповающе на свое погибающее богатство, о снискании некрадомага и неистощимаго мудрости сокровища нерадят ничтоже. И еже есть паче тысяць злата и серебра паче злата и топазия дражайше, у буих, тмою невежества помраченных, есть в презрении. Вящше же реку, яко у неких есть в поругании и ненависти. Оле безумия! Оле юродства, слез достойнаго (л. 3 об.— 4)!

приемлют. И сих убо и иных ради вин Б[о]г наша с[е]р[д]ца не изволяе[т] многих желанием посетити, и тако сие учение упразнися (л. 12–12 об.).

Лучше бо [рече прем[уд]рьи] сие собирать, неже злато и серебро, сокровища: ч[ес]тнейши есть каменья многоценнаго. Все бо ч[ес]тное недостойно есть ей [Притч 3. 14–15] (л. 14).

И паки тои же: Прем[уд]рость пре[д]судит паче скипетр и пр[ес]тол, и богатство вмених ничто же и ра[э]-суждению тоя. Ниже уподобих ю каменю преч[ис]тому, яко все злато в сложении тоя песок есть менши, и яко кал пре[д] нею серебро [Прем 7. 7–9] (л. 14–14 об.).

Лучше бо сию куповати, нежели злата и серебра сокровища, честнейши есть камней многоценных, не противится ей ничто же лукаво, знатна же есть всем приближающимся ей [Притч 3. 14–15] (л. 7).

Сльшим мудрости любителя Соломона, Д[у]хом С[вя]тым вещающа, како в книгах Прем[уд]р[о]сти оцениет мудрость... Предсудих ю скипетр, и пр[ес]тол, и богатство ничто же мнех быти в разсуждении тоя. Ниже уподобих ея камени преч[ес]тному, яко все злато в сложении тоя песок есть меньший, и яко кал мнится быти пре[д] нею серебро [Прем 7. 7–9] (л. 3–3 об.).

В предисловиях к своей грамматике Иван Иконник демонстрирует хорошее владение славянским филологическим дискурсом. При этом он выступает не копиистом, слепо следующим своим образцам. Ценность ГИ состоит прежде всего в обобщении и осмыслении в лингводидактических целях предшествующих опытов описания и кодификации церковнославянского языка: грамматик, букварей, рукописных орфографических трактатов. В настоящей статье ставилась задача выявить источники сочинения Ивана Иконника. Как отразилось их влияние на отборе и интерпретации в ГИ собственно лингвистического материала? В чем сходство и различие теоретических установок Ивана Иконника и его предшественников? Поиски ответов на эти вопросы, сулящие интересные находки, составят предмет отдельного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В силу того что в задачи настоящей работы не входит исследование собственно лингвистического содержания ГИ, цитаты из рукописи, а также из других грамматических руководств приводятся в соответствии с правилами публикации исторических текстов: церковнославянский шрифт заменен современным русским, опущены концевые «еры», «фита» в именах собственных передается через «ф». В квадратных скобках раскрыты написания под титлом, выносные буквы внесены в строку.
- ² *Буслав Ф. И.* Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 2004.

- ³ Там же. С. 654.
- ⁴ РГАДА, ф. 395 (Кабинетные бумаги князя М. А. Оболенского), оп. 1, ед. хр. 93. Запись на с. 21.
- ⁵ РГАДА, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 630а.
- ⁶ Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. Т. 1. XIII в. — 1825 г. СПб., 1904. (Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Ч. 75).
- ⁷ Ягич И. В. История славянской филологии (Энциклопедия славянской филологии. Т. 1). СПб., 1910. С. 27–32.
- ⁸ Если ГИ и включалась в перечень грамматик церковнославянского языка, то лишь в виде ссылки на хрестоматию Ф. И. Буслаева (*Мечковская Н. Б.* Ранние восточнославянские грамматики / Под ред. А. Е. Супруна. Минск, 1984. С. 45; *Кузьмина Е. А., Ремнева М. Л.* Предисловие // Грамматики Лаврентия (Зизания) и Мелетия (Смотрицкого). М., 2000. С. 17).
- ⁹ Упоминание об этом рисунке см.: *Буслаев Ф. И.* Указ. соч. С. 655.
- ¹⁰ *Клепиков С. А.* Филигранные на бумаге русского производства XVIII — начала XIX в. М., 1978. С. 6, 91.
- ¹¹ <http://www.pzbf.com/about/history.php>
- ¹² Атлас российской, состоящей из девятнадцати специальных карт представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненной по правилам географическим и новейшим наблюдениям, с приложенною при том генеральною картою великия сия империи, старанием и трудами Императорской Академии наук. СПб., 1745. Карта 5.
- ¹³ Российской атлас, из сорока четырех карт состоящий и на сорок и два наместничества империю разделяющий. СПб., 1792. Карты 18, 20, 22, 25.
- ¹⁴ *Лазаревский А. М.* Описание старой Малороссии. Материалы для истории расселения, землевладения и управления. Т. 1: Полк Стародубский. Киев, 1888. С. 440. Случанка — приток реки Стечки, которая является притоком Судости. Судость протекает параллельно реке Ипуть (с другой стороны Стародуба), на современных картах значится вместе с притоком Вабля. Села, указанные в работах XIX в., в настоящее время не существуют.
- ¹⁵ Там же. С. 448–449.
- ¹⁶ *Волошин Ю. В.* Урядова политика щодо російських старообрядців на Стародубщині у XVIII ст. // Український історичний журнал. 2006. № 1. С. 15. Современные исследователи называют Деменку в числе одного из первых сел, основанных староверами в этом регионе. Основанные позже села (Клинцы, Мглин, Почеп и др.) сыграли более важную роль в истории этого региона, поэтому чаще упоминаются в литературе. Можно предположить, что Иван Иконник был одним из жителей Деменки или что в своем перечне он не стремился упомянуть самые известные центры старообрядцев.
- ¹⁷ Там же. С. 17.
- ¹⁸ *Покровский И.* Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы: Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Т. 2. Казань, 1897. С. 686.
- ¹⁹ *Лазаревский А. М.* Указ. соч. С. 447, 449, 451, 454.
- ²⁰ *Иконников В.* Рецензия на сочинение «Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв.». Киев, 1897. С. 3–4.
- ²¹ *Лилеев М. И.* Очерк миссионерских мер по обращению в православие стародубских и черниговских раскольников до времен Екатерины II. Чернигов, 1895. С. 56.
- ²² Там же. С. 57.
- ²³ Там же. С. 9; *Знаменский П. В.* Духовные школы в России до реформы 1808 г. СПб., 2001. С. 97.
- ²⁴ *Лилеев М. И.* Указ. соч. С. 10–15.
- ²⁵ Там же. С. 19–20.

- ²⁶ Там же. С. 43.
- ²⁷ «Сказание...» послужило источником для «Книги избранной вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах» Николая Спафария (1672 г.), в которой «художества» разделяются на «свободные» (грамматика, риторика, диалектика, арифметика, музыка, геометрия, астрология) и «служительные» (земноорание, лов, воинство, кование, рудомясто, ткание, кораблеплавание).
- ²⁸ Ср. *Ягич И. В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. СПб., 1896. С. 47.
- ²⁹ Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста. М., 1991–2003 (репринтное переизд.: Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста. СПб., 1898–1906). С. IX, 484.
- ³⁰ *Кузьминова Е. А.* Научный комментарий // Грамматика 1648 г. / Предисл., коммент., подгот. текста и сост. указателей Е. А. Кузьминовой. М., 2007. С. 499–503.
- ³¹ Великие Минеи Четьи, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. Вып. 15. Январь, дни 1–6. СПб., 1910. Стб. 10–12.
- ³² Работа над этим сочинением была завершена до июня 1672 г.; дата 25 января 1673 г. указана в беловом списке, поднесенном царю (подробнее см.: *Лутан Ш. Г.* «Хрисмологион» — взгляд из Средневековья // Николае Милеску Спафарий и проблемы культуры Молдовы. Кишинев, 1991. С. 85–130).
- ³³ Там же. С. 87–89; *Белоброва О. А.* Николай Гаврилович Спафарий (Милеску) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. СПб., 1993. С. 392–400.
- ³⁴ Посвящение царю Алексею Михайловичу книги «Хрисмологион», переведенной Николаем Спафарием в 1673 году // Русский вестник. Т. 2. Кн. 5. СПб., 1841. С. 383–400.
- ³⁵ Там же. С. 387.
- ³⁶ Еще одна выписка из «Деяний» Барония — о выступлении Римского папы Льва I Великого (440–461 гг.) против введения общей исповеди содержится на вкладном листке 183а.
- ³⁷ *Флоровский Г.* Петербургский переворот // Из истории русской культуры. Т. 4 (XVIII — начало XIX в.). М., 1996. С. 379.
- ³⁸ *Курилов А. С.* Восточнославянские старопечатные предисловия и послесловия конца XVI — начала XVIII в.: (Становление национальной филологической мысли) // Русская старопечатная литература XVI — 1-я четверть XVIII в.: Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. С. 204–221.
- ³⁹ Помимо предисловия «Сказание...» используется Иваном Иконником и в основном тексте ГИ. Раздел «Орфография» начинается цитатой о происхождении греческого и славянского алфавитов (л. 18 об.— 19), а на л. 21–21 об. приводится переложение этого же фрагмента в вопросно-ответной форме.
- ⁴⁰ Цит. по: *Федоров И.* Азбука. Острог, 1578. Цит. по изд.: Острожская Азбука Ивана Федорова / Под ред. Е. Л. Немировского. М., 1983. Л. 52 об.— 53 об.
- ⁴¹ Цит. по: *Ягич И. В.* Рассуждения южнославянской и русской старины... С. 389.
- ⁴² Там же. С. 361.
- ⁴³ Там же. С. 361–362.
- ⁴⁴ Там же. С. 388–389.

Д. В. Саввин*

Епископ Селенгинский Софроний (Старков): архипастырь эпохи великих перемен и потрясений

Среди Забайкальских архиереев XX в. Преосвященный Софроний (Старков) занимает особое место, поскольку он управлял Забайкальской епархией в один из самых сложных периодов ее истории — в период перехода от синодальной эпохи к эпохе большевистских гонений. История «Забайкальской епархиальной Церкви»¹ в 1917–1923 гг. имеет ряд особенностей, отличающих ее от истории других епархий Русской Церкви, вследствие более продолжительного, чем в других регионах, времени установления в Забайкалье советской власти. После кратковременного господства большевиков (1918 г.) Забайкалье находилось под властью атамана Г. М. Семенова (1918–1920 гг.). Затем здесь была провозглашена Дальневосточная республика (ДВР) (1920–1922 гг.) — буферное, формально независимое демократическое государство, на создание которого большевики вынуждены были пойти, чтобы не спровоцировать военное вторжение Японии, поддерживавшей Белое движение. В 1922 г. ДВР присоединилась к Советской России. Специфический опыт Забайкальской епархии этого времени, заключавшийся в установлении отношений с различными политическими режимами, в устроении церковной жизни в стремительно менявшихся политических условиях, исследователями подробно не рассматривался. К сожалению, и в настоящей статье, построенной преимущественно на материалах Государственного архива Читинской области, не удалось прояснить ряд вопросов церковной истории края этого времени, в частности, выявить специфику автономного существования Забайкальской епархии в 1922–1923 гг. Материалов, хранящихся в читинских архивах, для этого недостаточно.

Изучение истории Забайкальской епархии в 1918–1923 гг. невозможно без анализа биографии епископа Софрония (Старкова), возглавлявшего

* © Саввин Д. В., 2009
Дмитрий Владимирович Саввин, Санкт-Петербург.

Забайкальскую епархию в 1922–1923 гг. и с 1918 г. участвовавшего в управлении епархиальными делами в качестве председателя епархиального совета. К сожалению, до сих пор нет всестороннего исследования, посвященного епископу Софронию. Биография архиерея была рассмотрена в моей статье, изданной небольшим тиражом². После ее выхода в свет были обнаружены новые материалы, которые в настоящей публикации впервые вводятся в научный оборот. Однако приведенное ниже описание жизненного пути Преосвященного Софрония нельзя считать исчерпывающим. В частности, не выяснены обстоятельства и мотивы признания епископом Софронием обновленчества, скудна информация о его пребывании в заключении и о жизни на свободе в 1927–1932 гг.

Будущий Селенгинский епископ Софроний (Старков) родился в 1875 г. в семье крестьянина Прокопия Старкова, жившего в с. Ильинка Троицкой волости Забайкальской области, в крещении получил имя Сергей³. Семья Старковых была небогатой. В ставленнической речи (см. приложения, документ № 2) Преосвященный Софроний упоминал следующее: «В младенчестве сноп чужой жатвы, на которой должны были работать мои родители, бывал часто моей колыбелью в летнее время». Очевидно, родители архиерея были батраками и нанимались на сезонные сельскохозяйственные работы. Первое религиозное воспитание Сергию Старкову дала его мать, глубоко верующая женщина. Она же научила сына читать и привила ему любовь «к учению книжному». Накануне архиерейской хиротонии архимандрит Софроний так отзывался о матери: «Господь послал мне великое счастье в лице моей родительницы... первый живой пример крепкой веры в Бога, горячей молитвы, упорного труда, несокрушимой энергии... От нее впервые в раннем детстве полюбил молитву и научился молиться, от нее познал ценность труда, четырехлетним ребенком выучился читать». Именно мать внушила Сергию почтение к священническому сану и, когда мальчику было 9 лет, привела его на клирос сельского храма. Тогда у Сергия впервые возникло желание посвятить свою жизнь церковному служению.

В это же время, очевидно не без усилий матери, Сергей Старков был определен в школу при Свято-Троицком Селенгинском монастыре, которую создал архимандрит Иринарх. Здесь мальчик провел 2 года, а в 1886 г. по ходатайству архимандрита Иринарха решением Селенгинского епископа св. Мелетия (Якимова)⁴ он был направлен в Нерчинское духовное училище, где обучался с 1886 по 1890 г. Впоследствии епископ Софроний характеризовал состояние училища в то время как полное «духовного роста при материальной скудости» (см. приложения, документ № 2). Здесь он сблизился с Епифанием Кузнецовым (позже епископ Селенгинский св. Ефрем, видный церковный деятель Забайкалья⁵), который стал его предшественником на Селенгинской кафедре. Впоследствии они несколько разошлись во взглядах, что подтверждается различием их мнений по некоторым частным вопросам на Поместном Соборе 1917–1918 гг. Селенгинский епископ Ефрем был известен своим консерватизмом и правыми взглядами, в то время как протоиерей Сергей Старков, будущий епископ Софроний, такого рода воззрения

не разделял. В 1890 г. в день окончания Нерчинского духовного училища Сергей Старков (окончивший курс вторым учеником по первому разряду)⁶ и Епифаний Кузнецов написали прошение о назначении псаломщиками в какие-либо сельские храмы. Один из преподавателей училища отправил прошение об устройстве талантливых выпускников в семинарию Иркутскому архиепископу Вениамину⁷. Просьба была удовлетворена. Впоследствии в ставленнической речи епископ Софроний сказал: «Здесь оказалось много подобных мне бедняков... На помощь пришли, вечная им память, о. ректор архим[андрит] Никодим и о. архим[андрит] Иринарх». В течение первого года они выделяли необходимые для скромной жизни средства, потом стало возможным «на общем положении казеннокоштного воспитанника безбедно продолжать ученье» (см. приложения, документ № 2). В 1896 г. С. П. Старков окончил Иркутскую Духовную семинарию первым учеником по первому разряду⁸. Свое состояние в тот момент он характеризовал следующим образом: «Стремление и готовность стать в ряды служителей алтаря Господня настолько окрепли, что не хотелось отсрочивать этого дела продолжением образования в духовной академии» (см. приложения, документ № 2). Получить академическое образование ему так и не довелось.

За 2 года до окончания С. П. Старковым Иркутской семинарии в пределах родной для него Забайкальской области была образована Забайкальская епархия. 1 августа 1896 г. он был рукоположен архиепископом Иркутским и Верхотенским Тихоном (Троицким-Донебиным)⁹ во диакона, а на следующий день 2 августа (в соответствии с резолюцией епископа Забайкальского и Нерчинского Георгия (Орлова)¹⁰ от 6 июля 1896 г.) — во иерея и назначен к Брянской церкви Забайкальской епархии (к этому времени С. П. Старков был женат, венчание состоялось 14 июля 1896 г.)¹¹. Ему было также поручено заведовать Брянской церковноприходской школой, в которой он одновременно должен был исполнять обязанности законоучителя¹². Вскоре священник Сергей показал себя талантливым организатором и просветителем. В том же 1896 г. в ближайших деревнях Пресковой и Таракановской он открыл школы грамоты. 9 декабря 1896 г. на него были возложены обязанности катехизатора, и в этой должности он прослужил до 3 декабря 1897 г., получив благодарность от архиерея (14 марта 1897 г.). За участие во всеобщей первой переписи населения о. Сергей был награжден медалью, 10 марта 1898 г. за «особое содействие делу народного просвещения» — награжден набедренником. 28–30 ноября того же года определением правящего архиерея о. Сергей был переведен в Верхнеудинск клириком Спасской церкви. Одновременно ему было поручено исполнение обязанностей благочинного 7-го округа Забайкальской епархии и заведование Верхнеудинским свечным складом¹³. На новом месте перед о. Сергием открылось «широкое поле для применения сил во всех отраслях епархиальной службы и в разнообразных видах церковно-общественной деятельности» (см. приложения, документ № 2).

1 декабря 1898 г. Забайкальский епархиальный училищный совет принял решение о назначении священника Сергея Старкова временно исполняющим обязанности председателя Верхнеудинского отделения училищного

совета. 12 апреля 1899 г. он стал заведующим Заудинской приходской школы. В том же году его утвердили в должности директора Верхнеудинского отделения попечительного комитета о тюрьмах (до 1907 г.) и законоучителя Верхнеудинской женской прогимназии. В 1898 г. 23-летний о. Сергей «по благословению епархиальной власти» был направлен депутатом от «Духовного ведомства» в Верхнеудинскую городскую думу, в составе которой проработал почти 8 лет. В этот период в полной мере раскрылись его таланты педагога, миссионера и администратора. 16 марта 1901 г. он был переведен в клир верхнеудинского Одигитриевского собора. В том же году его утвердили в двух должностях, которые он до этого занимал уже 2 года в качестве временно исполняющего: благочинного 7-го округа (27 июля) и председателя Верхнеудинского отделения училищного совета (8 декабря)¹⁴. В 1902 г. о. Сергей, став законоучителем Верхнеудинского городского училища, был освобожден от большей части обязанностей в своем приходе и почти все силы и время отдал просветительской, хозяйственной и административной работе. В это же время как председатель отделения училищного совета он руководил строительством двух школ в Верхнеудинске: второклассной и двухклассной соборной, ходатайствовал перед городским самоуправлением о выделении 5 тыс. рублей для постройки последней. 2 июня 1902 г. епископ Забайкальский и Нерчинский Мефодий (Герасимов)¹⁵, который в 1922 г. возглавил епископскую хиротонию Софрония (Старкова), наградил его скуфьей. В 1904 г., очевидно в связи с завершением строительства двухклассной школы при соборе, священник Сергей был назначен уездным наблюдателем церковных школ Верхнеудинского уезда. По этой причине его освободили от исполнения обязанностей законоучителя в прогимназии и в четырехклассном городском училище Верхнеудинска. Он прослужил в новой должности около 2 лет, после чего в 1906 г. последовал его перевод в Читю, кафедральный город Забайкальской епархии. В том же году 6 мая указом Святейшего Синода за заслуги в период служения уездным наблюдателем церковных школ по Верхнеудинскому уезду он был награжден камилавкой¹⁶.

Обязанности, которые о. Сергей выполнял в Чите, в целом остались такими же, как и в Верхнеудинске. 5 сентября 1906 г. он был назначен на должность законоучителя Читинской учительской семинарии, 21 сентября епископ Забайкальский Мефодий утвердил его председателем Читинского отделения Забайкальского епархиального училищного совета. Одновременно о. Сергей был избран и утвержден членом и председателем комитета по управлению Забайкальским епархиальным складом утвари и свечей. Большое число назначений (в двух случаях — по предварительному избранию) сразу по прибытии на новое место служения является несомненным показателем авторитета иерея Сергея Старкова среди забайкальского духовенства и степени доверия к нему епархиального архиерея.

Позиция о. Сергея по отношению к революционным событиям 1905–1907 гг. неизвестна. В Забайкалье революционное движение получило широкую поддержку населения, в том числе части духовенства, — в Чите короткое время существовала Читинская республика. Для сопротивления револю-

ционной пропаганде и террору 14 сентября 1908 г. в Чите во многом благодаря протоиерею Епифанию Кузнецову был создан отдел Русского народного союза имени Михаила архангела¹⁷. Косвенным подтверждением того, что о. Сергей не поддерживал революционное движение, является отсутствие сведений о каких-либо наложенных на него за это прещениях. С другой стороны, в списках учредителей и руководителей читинского отдела Союза архангела Михаила он также не упоминается. Кроме того, если сщмч. Ефрем Селенгинский за свои монархические воззрения подвергся преследованию со стороны властей сразу же после Февральской революции, то в отношении о. Сергея Старкова никаких репрессий не было. Можно предположить, что в период революции 1905–1907 гг. и позднее священник Сергей Старков не принимал активного участия в политической жизни.

1 мая 1907 г. иерей Сергей Старков был назначен членом комиссии по выработке вопросов к обсуждению на епархиальном съезде 1907 г. В последующем он, очевидно, хорошо зарекомендовал себя в сфере епархиального управления, поскольку 5 сентября 1908 г. был утвержден председателем постоянной комиссии Забайкальского епархиального съезда. В том же 1908 г. по собственному прошению о. Сергей был назначен законоучителем в Коммерческом училище баронессы Розен, где ему пришлось исполнять также обязанности директора. Эту должность священник занимал до 1917 г.¹⁸ В это время решением правящего епископа он был направлен на работу в Читинскую духовную консисторию (распоряжение от 29 ноября 1907 г.), а 30 апреля 1908 г. «для удобного сношения» попечительства о бедных духовного звания с консисторией назначен также членом попечительства¹⁹. С 8 мая 1907 г. по 13 июня 1908 г. иерей Сергей Старков руководил изданием «Забайкальских епархиальных ведомостей», но был освобожден от этой работы из-за «многосложности» задач.

Последующее его служение в Чите было вполне успешным, что подтверждается среди прочего полученной им 6 мая 1909 г. наградой от Синода — наперсным крестом²⁰, избранием и назначением о. Сергея на разные посты. Священник был вынужден отказаться от новых должностей по причине многочисленности обязанностей, так, 6 июня 1909 г. он был исключен из числа членов консистории и попечительства по собственному желанию. Тем не менее труды о. Сергея ценились очень высоко, и его привлекли для периодической работы в консистории: с 22 марта 1911 г. он по распоряжению архиерея в течение 10 дней работал по судному столу, с 24 ноября 1911 г. по 9 января 1912 г. являлся членом консистории по распорядительному столу, такое же назначение на срок в 28 дней последовало и 18 февраля 1912 г. 9 июня 1911 г. о. Сергей вновь был избран членом и председателем предсъездной комиссии, однако по собственной просьбе был освобожден от этой должности²¹. 25 октября 1910 г. он был утвержден (по избрании) председателем совета Забайкальского братства во имя святых Кирилла и Мефодия, занимавшегося преимущественно благотворительной деятельностью, и в последующем дважды переизбирался. В 1912 г. руководил строительством здания для Читинской Духовной семинарии, 22 августа 1912 г. архиерейским

распоряжением утвержден председателем комитета по ее постройке²². Указом от 19 октября 1912 г. о. Сергей Старков был возведен в сан протоиерея.

С началом Первой мировой войны количество обязанностей о. Сергия увеличилось. 19 июля 1914 г. он был избран председателем комитета по управлению Забайкальским епархиальным складом утвари и свечей, и в октябре того же года стал председателем епархиального комитета по сбору пожертвований «на нужды войны». Примерно в это же время на него были возложены обязанности председательствования в местном отделении Комитета ее императорского величества великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию помощи семьям призванных на войну. В августе 1914 г. протоиерею Сергию Старкову была объявлена благодарность главного инспектора училищ Восточной Сибири, 6 мая 1915 г. он был награжден орденом св. Анны II степени²³.

Первые революционные потрясения в феврале 1917 г. не принесли о. Сергию таких бед, какие обрушились, например, на его бывшего однокурсника Селенгинского епископа Ефрема (Кузнецова). Напротив, 12 марта 1917 г. протоиерей Сергей Старков был назначен присутствующим членом духовной консистории²⁴. Пути о. Сергия и Преосвященного Ефрема вскоре пересеклись. Вынужденный покинуть Забайкалье епископ Ефрем уехал в Москву, где принял участие в Поместном Соборе, с февраля 1918 г. замещал на Соборе правящего Забайкальского епископа Мелетия (Заборовского)²⁵. Представителем забайкальского духовенства на Соборе был избран протоиерей Сергей Старков²⁶. По-видимому, он не принимал активного участия в прениях. По крайней мере в изданном в 2000–2002 гг. «Обзоре деяний» Поместного Собора имя его встречается гораздо реже, чем имя Селенгинского Преосвященного. Зафиксировано, что протоиерей Сергей участвовал в обсуждении проекта «Положения об епархиальных женских училищах» (вопрос, который был ему хорошо знаком)²⁷. Примечательно, что при голосовании по статье 12 Приходского устава два представителя Забайкальской епархии, Преосвященный Ефрем и протоиерей Сергей, разошлись во мнениях. Решался вопрос о том, кто должен иметь право юридического лица: храм или приход. Предложенная Н. Д. Кузнецовым поправка к данной статье предполагала, что таким правом следует наделить приход, или общину, что теоретически согласовывалось с позицией властей. Однако большинство участников Собора посчитало, что ориентироваться в данном вопросе на советские законы и советскую власть, казавшуюся шаткой, неразумно; кроме того, такая поправка в известном смысле явилась бы отступлением от правовых норм (в том числе канонических), которыми руководствовалась Русская Православная Церковь. Преосвященный Ефрем, убежденный противник большевизма, скептически относившийся к демократическим нововведениям, голосовал против вышеназванной поправки. Протоиерей Сергей Старков проголосовал за поправку²⁸. Будучи человеком с практическим складом ума, он считал необходимым учитывать реалии современной жизни. Впрочем, готовность к компромиссам у о. Сергия Старкова ограничивалась чертой, за которой начиналось попрание догматических и канонических основ церковной жизни. После участия во 2-й сессии Поместного Собора, закон-

чившейся в конце апреля 1918 г., протоиерей Сергей Старков вернулся в Читу. В последней 3-й сессии Собора он участия не принимал.

Забайкалье в это время переживало первый краткий период советской власти. Большевики утвердились в Чите в конце февраля 1918 г., но смогли продержаться лишь до 26 августа²⁹. 15 июня (н. ст.) 1918 г. на общепархиальном собрании протоиерей Сергей Старков был избран в состав Забайкальского епархиального совета, 27 июня был утвержден в должности председателя совета³⁰. Вскоре Забайкальскую епархию постигли первые серьезные потрясения, продемонстрировавшие ее жителям суть большевистской политики по отношению к православной Церкви. 5 февраля 1918 г. Совет народных комиссаров издал декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Реализация этого декрета в Чите предполагала среди прочего изъятие архивов духовной консистории, однако до лета 1918 г. это не было проведено из-за неустойчивости советской власти в крае. Для исполнения декрета в Забайкалье был разработан специальный проект, суть которого сводилась к постепенной реализации его положений на протяжении примерно 4 месяцев³¹. Наконец, в июне 1918 г. было решено перейти к активным действиям. Впоследствии в обвинительных материалах против забайкальских клириков и мирян (имя протоиерея Сергея Старкова значилось в списке обвиняемых первым) позиция властей была сформулирована так: «Исполнительный комитет, не имея никаких намерений врываться в область церковных обрядов, оскорбляющих чувства верующих [так в документе.— Д. С.], не мог оставить духовную консисторию в руках духовенства. Духовенству гор[ода] Читы представилась альтернатива: подчиняться или не подчиняться распоряжениям местной власти, для власти: провести ли декрет Центрального Совета народных комиссаров об отделении церкви от государства, что уже сделано в большинстве городов России и Западной Европы [так в документе.— Д. С.], или оставить Забайкальскую епархию на особом положении, другими словами, не подчиняться высшей власти центра» (см. приложения, документ № 1).

Епархиальная власть считала невозможной передачу архива консистории большевикам. 17 июня группа коммунистов подошла к зданию консистории подводу, которую начали загружать бракоразводными делами, изымавшимися, как заявили представители властей, «для своих нужд». Этому воспрепятствовали несколько клириков и мирян, среди которых был и протоиерей Сергей Старков. Он вместе с другими клириками, пытавшимися не допустить изъятие архива, был арестован и отправлен в городскую тюрьму³². При этом важно отметить, что в данном случае они действовали в полном соответствии с решениями епархиальных властей, выполняя предписания епархиального съезда духовенства и мирян от 25 мая 1918 г., в которых признавалась недопустимой передача церковного имущества кому бы то ни было, и прямо указывалось: «В случае посягательств, от кого бы они ни исходили, обращаться с просьбой о защите к верующему народу»³³.

Арест читинских клириков во главе с председателем Забайкальского епархиального совета протоиереем Сергеем Старковым вызвал возмущение

православных читинцев. На следующий день на центральной площади Читы собрались люди, не расходившиеся до глубокой ночи и обсуждавшие возможные действия в сложившейся ситуации. По словам начальника городской милиции, он «проходя 18 июня в 11 час[ов] ночи, видел толпу около 60 человек, преимущественно женщин, стоящую на площади и обсуждающую все те же вопросы» (см. приложения, документ № 1). Наутро люди снова собрались вблизи Александро-Невского собора и архиерейского дома. Около 3 часов дня было решено отправить представителя для переговоров с комиссаром И. М. Матвеевым (председателем местного ЧК), однако того на месте не оказалось. После того как надежда на освобождение арестованных клириков посредством переговоров исчезла, на колокольнях собора и архиерейской церкви ударили в набат. Вскоре количество людей на площади существенно увеличилось, и около 5 часов вечера собравшиеся выступили крестным ходом. Взяв иконы и хоругви, читинцы отправились к месту заключения протоиерея Сергея и других клириков. На подходах к тюрьме был выставлен наряд милиции, и когда крестный ход приблизился, по нему открыли огонь. Погибла женщина, несколько человек получили ранения, в том числе супруга о. Сергея (см. приложения, документ № 1). Власти не сознались в преступлении. По официальной версии, отряд милиции сделал предупредительный залп в воздух, а обстрел, начавшийся затем с разных сторон, устроили некие мифические не найденные провокаторы. Большевикам было необходимо снять с себя ответственность за обстрел крестного хода в то время, когда к Чите приближались войска белочехов и казаки Г. М. Семенова. Сложностью военной обстановки, вероятно, объяснялась и исключительная по советским меркам мягкость приговоров, вынесенных арестованным священнослужителям: сроки заключения варьировались от 2 до 6 месяцев³⁴. Впрочем, отбывать наказание им не пришлось. В конце августа 1918 г. советская власть в крае пала, и все они, в том числе и протоиерей Сергей, были освобождены.

С установлением в Чите власти атамана Семенова Забайкальская епархия была избавлена не только от большевистских гонений, но и от секулярного политического наследия, оставшегося после кратковременного пребывания у власти Временного правительства. Забайкальской епархии была возвращена вся принадлежавшая ей собственность, возобновлены ассигнования на церковные нужды, восстановлено преподавание Закона Божия в общеобразовательных учебных заведениях. В это время значительная часть забайкальского духовенства во главе с Преосвященным Мелетием (Заборовским) выступила в поддержку Белого движения и атамана Семенова, а также за введение Японией войск на Дальний Восток и в Забайкалье. Протоиерей Сергей Старков, как можно предположить, старался держаться в стороне от политической борьбы. Священник не подписался под принятым 10 апреля 1920 г. общим собранием приходских советов Забайкальской епархии постановлением, в котором приветствовалась японская интервенция³⁵. Однако под другим документом, поданным от епархиального собрания Преосвященному Мелетию, подпись о. Сергея стояла. Это было прошение от 14 сентября 1918 г. о ходатайстве перед властями о помиловании священника-большевика Вик-

тора Парнякова. Этот клирик Успенской церкви г. Троицкосавска являлся не только членом РКП(б), но и сотрудником местного совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. По словам благочинного 14-го округа протоиерея Вениамина Беломестнова, Парняков «примкнул к большевицкой партии с самого начала ее существования... принимал участие во всех действиях совета, чем вызвал против себя общее негодование не только православного населения, но и иноверцев»³⁶. За свою деятельность в период краткого большевистского господства в Забайкалье он был приговорен к расстрелу военно-полевым судом при Селенгинском отряде войск атамана Семенова³⁷. Несмотря на то что у протоиерея Сергия были причины негативно относиться к большевикам, он, как председатель епархиального совета, скрепил своей подписью ходатайство о помиловании иерея-большевика, в котором видел собрата, впавшего в греховное заблуждение.

Поскольку дальнейший жизненный путь протоиерея Сергия, позже епископа Селенгинского Софрония, неразрывно связан с историей Забайкальской епархии, необходимо обратить внимание на то, что в конце 1918 г. епархия перешла в подчинение Временного высшего церковного управления Сибири (ВВЦУ) с центром в Омске (учреждено в 1918 г. для устройства церковной жизни на контролируемых Белым движением сибирских территориях)³⁸. В 1919 г. о. Сергия Старкова постигло тяжелое жизненное испытание: 26 марта он овдовел, на его попечении остались четверо детей³⁹. В том же 1919 г. протоиерей Сергий был награжден ВВЦУ палицей. Уважение и доверие к нему как со стороны правящего архиерея, так и со стороны священнослужителей и паствы, оставалось неизменным. Следствием этого стало его назначение 13 июля 1920 г. настоятелем читинского кафедрального Александро-Невского собора⁴⁰. Его положение в епархии стало исключительным: как кафедральный протоиерей и председатель епархиального совета он стал вторым лицом после правящего архиерея. Вскоре последовали события, которые сделали его фактически управляющим Забайкальской епархией.

В феврале 1920 г. большевики вторглись в Забайкалье. Это стало причиной массовой эмиграции людей, не приемлющих большевизма, в Китай, где в приграничных районах (Трехречье) существовали русские колонии. В конце июня 1920 г. в Харбин уехал Забайкальский и Нерчинский епископ Мелетий (Заборовский)⁴¹. Захват коммунистами Читы тогда представлялся делом ближайшего будущего, и православному архиерею, поддерживавшему атамана Семенова, едва ли можно было рассчитывать на снисхождение. Пример сщмч. Сильвестра, архиепископа Омского, зверски замученного коммунистами после ухода белых войск из Омска, был свеж в народной памяти⁴². Перед своим отъездом ряд обязанностей и прав по управлению епархией Преподобный Мелетий передал епархиальному совету во главе с протоиереем Сергием Старковым. С этого времени о. Сергий фактически возглавил Забайкальскую епархию, санкция епископа Мелетия требовалась для решения лишь самых важных вопросов. (Это в свою очередь сразу создало затруднения в работе епархиального совета, поскольку наиболее важные документы приходилось возить на рассмотрение архиерея в Харбин.)

6 апреля 1920 г. была создана ДВР (первоначально ее столица находилась в Верхнеудинске), в состав которой вошли Забайкальская и Амурская области, Приморье и Камчатка⁴³. ДВР была провозглашена демократическим государством, в отличие от Советской России, где в то время действовала «диктатура пролетариата». ДВР, по мысли большевистских властей, должна была служить буфером между Советской Россией и землями, где продолжалось сопротивление советской власти, поддерживаемое Японией, военного столкновения с которой большевики всеми силами стремились избежать. В октябре 1920 г. после долгих боев белые вынуждены были уйти из Читы, оказавшейся во власти Народно-революционной армии ДВР и вскоре ставшей столицей этого государства.

Установление ДВР в Восточной Сибири создало множество проблем для Забайкальской епархии, решение которых входило в обязанности Забайкальского епархиального совета во главе с протоиереем Сергием Старковым. У власти в ДВР находились коммунисты, которые рассматривали существование названной республики как вынужденную кратковременную меру накануне присоединения Сибири и Дальнего Востока к РСФСР. Впрочем, представлять действия властей демократической ДВР лишь осторожным копированием политики Совета народных комиссаров нельзя. В сущности светские законы, которые были приняты практически сразу после образования ДВР (в конце 1920 г.), мало чем отличались от аналогичных законов, принимавшихся, например, в начале XX в. во Франции; основное отличие заключалось в том, что исполнялись они в Дальневосточном государстве большевистскими методами. Согласно провозглашенному принципу свободы совести, власти ДВР заявили о своем нейтралитете в религиозных вопросах, из школьных программ был исключен Закон Божий и прочие религиозные дисциплины, прекратились государственные ассигнования на нужды Церкви, из ведения епархиальных властей были изъяты благотворительные и социальные учреждения. Верующим предписывалось объединяться в общины, которые были обязаны содержать духовенство⁴⁴.

Последствия такой демократии проявились незамедлительно. Фактически исчезло благочиние железнодорожных церквей, содержать которое ДВР отказалось⁴⁵. Множество недвижимой собственности епархии было отобрано на основании новых законов или в порядке «революционной инициативы». Возникшие вопросы — острые и требовавшие безотлагательного решения — пришлось рассматривать возглавляемому о. Сергием Старковым епархиальному совету. Преосвященный Мелетий навсегда оставил Читу. В протоколах Забайкальского епархиального съезда, проходившего в июне—июле 1921 г., отмечено, что руководство ДВР призывало епископа Мелетия вернуться, однако «о неприкосновенности личности правительство не ответило». Для восполнения кадров съезд принял решение о создании православного огласительно-псаломщическо-пастырского училища. Возглавить его было поручено протоиерею Сергию Старкову⁴⁶.

В этих условиях отсутствие в огромной Забайкальской епархии архиерея стало острой проблемой. Поддерживать связь с находившимся в Харбине

Преосвященным Мелетием было затруднительно хотя бы в силу дальности расстояния, а после установления в Забайкалье просоветского режима стало практически невозможно. В конце 1921 г. по согласованию с забайкальским духовенством Патриарх св. Тихон принял решение о восстановлении в Забайкальской епархии Селенгинской викарной кафедры, пустовавшей после мученической кончины епископа Ефрема (Кузнецова). В новых условиях Селенгинский Преосвященный должен был взять на себя не только руководство миссионерской работой (что являлось обязанностью его предшественников), но и временное управление всей епархией, т. е. фактически заменить правящего архиерея. Почти сразу Забайкальский епархиальный совет (с ним полностью была согласна и высшая церковная власть) остановился на кандидатуре вдового протоиерея Сергея Старкова⁴⁷. Первоначально о. Сергей отказался от предложенной ему чести, но в январе 1922 г. после повторной просьбы со стороны епархиального совета согласился принять сан. 26 марта 1922 г. он уехал в Харбин, где должна была состояться архиерейская хиротония.

Незадолго до прибытия о. Сергея в Харбин высшее русское церковное управление за границей по ходатайству управляющего КВЖД Б. В. Остроумова и Оренбургского и Тургайского архиепископа Мефодия (Герасимова) издало указ (от 29 марта 1922 г.) об учреждении в полосе отчуждения КВЖД православной епархии с кафедрой в Харбине, правящему архиерею усваивался титул «епископ Харбинский и Цицикарский», почти сразу измененный на «епископ Харбинский и Маньчжурский»⁴⁸. Очевидно, данный указ не был получен в Харбине ко времени приезда о. Сергея. Этим, вероятно, и объясняется то обстоятельство, что в описании хиротонии епископа Софрония Высокопреосвященный Мефодий, назначенный на новообразованную кафедру, титулуется еще архиепископом Оренбургским⁴⁹. Впрочем, в это время все русские архиереи в Китае уже состояли в юрисдикции РПЦЗ.

1 апреля 1922 г. за всеобщим бдением в храме Благовещения Божией Матери подворья Пекинской миссии в Харбине епископ Мелетий (Заборовский) совершил пострижение в иночество протоиерея Сергея Старкова, получившего имя Софроний в честь свт. Софрония Иркутского⁵⁰. На следующий день состоялось возведение о. Софрония в сан архимандрита. Последующие Страстную и Пасхальную седмицы архимандрит Софроний совершал богослужения в храмах Харбина. Современник писал о служении архимандрита Софрония: «Простота, и доступность, и какая [какая-то.— Д. С.] особенная повышенная религиозность о. Софрония неотразимо действовали на верующие массы, которые буквально потоками стремились принять участие в молитве с ним. Как-то невольно чувствовалось, что о. Софроний, принимая на себя необычайно ответственное и тяжелое служение епископское в переживаемое время, сознательно идет на свою Голгофу, и поэтому верующие особенно близко принимали к сердцу и болезненно-остро переживали его молитвенно-восторженное состояние»⁵¹.

21 апреля в Благовещенском храме подворья Пекинской миссии в Харбине состоялось наречение архимандрита Софрония (Старкова) во епископа Селенгинского. В нем участвовали архиепископ Харбинский и Маньчжурский

Мефодий (Герасимов), епископ Владивостокский Михаил (Богданов)⁵², епископ Камчатский Нестор (Анисимов)⁵³, епископ Читинский и Нерчинский Мелетий (Заборовский). Архиерейская хиротония состоялась в харбинском Свято-Николаевском соборе 23 апреля 1922 г. Число молящихся за богослужением было исключительно велико: были заполнены и собор, и храмовая ограда⁵⁴. Ни новопоставленный епископ, ни рукополагавшие его архиереи не испытывали иллюзий относительно того тяжелого положения, в котором в то время находилась Русская Церковь. При наречении во епископа архимандрит Софроний сказал: «К сонму... избранников Божиих подхожу я униженный [1 Кор 1. 28]... когда в жизнь Церкви направляют свое жало скорпионы неверия и нечестия» (см. приложения, документ № 2). Архиепископ Мефодий, вручая Преосвященному Софронию архиерейский жезл, выразился еще более определенно: «Есть сходство между настоящим моментом, который мы переживаем, и первыми временами Церкви... Ныне Церковь вновь проходит огненное испытание, вновь воздвигнута гонение... Ныне ниспровергнута правда Божия и правда человеческая, попраны все законы гуманности и справедливости... Труден момент, в который ты идешь на подвиг епископского служения. Ты идешь не на почести твоего высокого звания, а на крестный подвиг» (см. приложения, документ № 3).

2 мая 1922 г. Селенгинский епископ Софроний вернулся в Читю, где его встречало множество православных. 4 мая он был принят представителями правительства ДВР. Во время беседы архиерей высказал пожелания относительно государственно-церковных отношений в крае, после чего со стороны властей последовали определенные позитивные действия⁵⁵. О том, как дальше будет управляться Забайкальская епархия, какие стоят перед епархией задачи и каковы пути их решения, епископ Софроний рассказал на пресс-конференции, данной им для «Забайкальского церковно-общественного вестника»⁵⁶ 9 мая 1922 г. В частности, архиерей обещал уделить внимание нормализации взаимоотношений духовенства и прихожан, содействовать тому, чтобы клирики епархии могли совершать свое служение в безопасности, а также обещал принять меры к сокращению излишнего делопроизводства⁵⁷.

За оставшиеся менее полугодия существования ДВР епископу Софронию и Забайкальскому епархиальному совету удалось добиться многого из того, что едва ли было возможно в Советской России. Епархия имела собственное издание — «Забайкальский церковно-общественный вестник», в ней осуществлялась миссионерская и благотворительная деятельность. Забайкалье не было затронуто кампанией по насильственному изъятию церковных ценностей. Это позволило епархии развернуть масштабную работу по сбору средств для помощи голодающим. К июню 1922 г. было собрано драгоценностей на сумму около 20 млн рублей, в том числе 1163 драгоценных камня⁵⁸. Косвенным следствием этой работы стало официальное разрешение власти в июле 1922 г. Забайкальской епархии собирать средства для названной цели, она была внесена в список организаций, участвовавших в работе Дальневосточного комитета помощи голодающим⁵⁹, что

можно расценивать как признание со стороны властей за епархией права юридического лица.

Продолжало деятельность Братство во имя святых Кирилла и Мефодия, содержавшее на свои средства детский приют, в котором в апреле 1922 г. находилось около 15 детей старше 2 лет⁶⁰. Летом 1922 г. при читинском Покровском монастыре открылся приют для девочек. В августе того же года игуменья монастыря Анастасия ходатайствовала перед Преосвященным Софронием о том, чтобы сумму 1 тыс. рублей серебром, которую монастырь должен был отчислить для помощи голодающим, разрешили употребить на нужды приюта; при этом обитель должна была принять и обеспечить детей из страдающих от голода районов Советской России⁶¹. Дальневосточный комитет помощи голодающим не согласился на это предложение⁶². Деньги были сданы, однако насельницы монастыря своего намерения не оставили, предполагая принимать в приют девочек из голодающих регионов. Епископ Софроний преподал свое благословение⁶³, но осуществить замысел не удалось. В Забайкалье открыто существовали православные монастыри, избежавшие разгрома в 1918–1920 гг., но пострадавшие во время Гражданской войны, в том числе и от крестьян, которые захватывали монастырскую собственность (в первую очередь земельные угодья и рыболовные промыслы на Байкале). К числу действующих в крае монастырей должна была прибавиться еще одна обитель — мужской монастырь на озере Иргень⁶⁴, открытие которого Преосвященный Софроний планировал осенью 1922 г. и уже наметил кандидатуру настоятеля⁶⁵. К сожалению, и эта идея осталась нереализованной. Осенью 1922 г. после длительного перерыва состоялась поездка архиерея по епархии. Несмотря на то что к этому времени Гражданская война в Забайкалье закончилась, в крае продолжали действовать разрозненные военные отряды, в силу чего обстановка оставалась напряженной. Тем не менее Преосвященный Софроний посетил 4 благочиннических округа. Везде его встречало множество народа, причем встречи эти проходили «восторженно», а необходимых для проезда лошадей люди предоставляли добровольно⁶⁶. В ДВР были возможны такие явления как, например, государственное ассигнование на покупку подарков к Пасхе для солдат Народно-революционной армии, сохранение тюремных храмов и т. п.⁶⁷

Почти сразу после захвата большевиками Владивостока (25 октября 1922 г.) в Чите прошло заседание рабочих, профессиональных, общественных и политических организаций, избравшее губернский революционный комитет, который провозгласил вхождение Забайкалья в РСФСР. Положение православной Церкви в Забайкалье после установления советской власти резко ухудшилось. Оно осложнилось еще и церковной смутой, вскоре оформившейся в обновленческий раскол. Весной 1922 г. был арестован Патриарх Тихон, летом началась активная обновленческая агитация. В этот сложный период Забайкальский епархиальный совет передал Преосвященному Мелетию прошение о том, чтобы в связи с невозможностью дальнейшего сношения с ним предоставить все права по управлению Забайкальской епархией епископу Софронию. Преосвященный Мелетий

дал согласие на данное предложение 14 декабря 1922 г. (см. приложения, документ № 4).

В ночь на 13 января 1923 г. Преосвященный Софроний был арестован. После этого решением всех административных вопросов в епархии какое-то время ведал епархиальный совет во главе с протоиереем Иннокентием Томилиным. Епархиальные дела пришли в расстройство, в связи с чем совет 6 марта 1923 г. принял постановление № 238, которое было направлено во все приходы (см. приложения, документ № 4). В постановлении подчеркивалось, что «центром, объединяющим жизнь епархии и сосредотачивающим управление ею» является епархиальный совет, сохраняющий свою каноническую связь с епископом Софронием. Этим постановлением Забайкальский епархиальный совет отмежевался от обновленчества, которое (если рассматривать явление в общероссийском масштабе) находилось в зените своего успеха. В постановлении, в частности, провозглашалась «верность православной Греко-Российской Церкви на основе единства догматического учения и канонического церковного строя»; говорилось, что до совершения над Патриархом Тихоном церковного суда следует продолжать «возносить уставные моления о нем»; подтверждалось автономное положение Забайкальской епархии. Относительно Поместного Собора (над «созывом» которого тогда работали обновленцы) в постановлении было записано, что участие в нем возможно лишь в том случае, если «способы избрания членов Собора и условия участия на нем будут обеспечивать каноническую правоспособность его, не будут носить партийного характера».

К сожалению, ни епископу Софронию, ни большинству других забайкальских клириков провести этот курс не удалось. 25 марта 1923 г. в Читу прибыл обновленческий «епископ» (вскоре возведенный в «архиепископы») Михаил Орлов, которому власти передали кафедральный Александро-Невский собор⁶⁸. Епископ Софроний был освобожден и 30 апреля 1923 г. заявил о «возможности канонического общения» с «архиепископом» Михаилом⁶⁹. Причины этого заявления неизвестны, вероятнее всего, оно было вызвано давлением со стороны ОГПУ и отсутствием в Забайкалье точных сведений о состоянии на тот момент высшего управления в Русской Церкви. В документах обновленческой «Дальневосточной митрополии» Софроний (Старков) упоминается как «викарный епископ Нерчинский»⁷⁰. Нерчинское викариатство было создано обновленцами возможно ради того, чтобы обеспечить кафедрой епископа Софрония. Однако епископ Софроний не собирался подчиняться распоряжению обновленческой «Дальневосточной митрополии» — так, он продолжал носить титул епископа Селенгинского.

В начале лета 1923 г. были арестованы епископ Софроний и весь Забайкальский епархиальный совет⁷¹. Обновленческая «митрополия» отреагировала на это событие «запрещением в священнослужении» епископа Софрония «за непризнание распоряжений областной церковной власти»⁷². Второй арест был кратковременным, известно, что в том же 1923 г. епископ Софроний принес покаяние в грехе уклонения в обновленческий раскол. В «Каталоге русских архиереев-обновленцев» митрополита Мануила (Ле-

мешевского) сообщается, что епископ Софроний «принес покаяние перед православными архиереями»⁷³, но кто были эти Преосвященные и где произошло возвращение епископа Софрония в православие, неизвестно.

В конце 1923 г. епископ Софроний был вновь арестован⁷⁴. Согласно биографической справке о епископе Софронии, составленной Преосвященным Евсевием (Рождественским)⁷⁵, в феврале 1924 г. епископ Софроний был отправлен в Москву и оттуда выслан в Соловецкий лагерь особого назначения. На свободу он вышел в 1927 г. без права жительства в Сибири⁷⁶. Архиерей поселился в Ярославской области: сначала в Ростове Великом, затем переехал в Данилов⁷⁷. Драматизм положения Преосвященного Софрония усиливался тем, что его дети, лишившиеся в 1922 г. матери, оказались также и без отцовского попечения. 12 мая 1927 г. приходской совет читинского Казанского собора запрашивал административный отдел окружного исполкома Читы о разрешении провести сбор средств для семьи Старковых, однако власти ответили отказом, сославшись на то, что религиозные общины могут собирать средства лишь для нужд своих членов, а дети епископа Софрония в числе таковых «не значатся»⁷⁸. О том, как сложилась дальнейшая судьба членов семьи епископа Софрония, сведений нет; известно лишь, что в 1928 г. его дети жили в Чите⁷⁹. 22 июня 1929 г. управлявший Забайкальской епархией епископ Евсевий (Рождественский) издал распоряжение об обязательном возношении за богослужением имени Селенгинского епископа Софрония в Джидинском и Мысовском благочиниях, т. е. в пределах Селенгинского викариатства⁸⁰.

Титул епископа Селенгинского сохранялся за Преосвященным Софронием до его назначения 3 октября 1932 г. указом Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) на Арзамасское викариатство Нижегородской епархии. Епископ Софроний прибыл в Арзамас 22 октября 1932 г. и сразу отправился в городской собор на встречу с духовенством и паствой. Этот день стал первым и последним днем служения епископа Софрония на Арзамасской кафедре. Долгие годы трудов (в послужном списке Преосвященного Софрония указано, что в отпусках он вообще не бывал)⁸¹, лишения и страдания, перенесенные в тюрьмах и в Соловецком лагере, ослабили его здоровье: 22 октября 1932 г. епископ Софроний (Старков) скончался⁸².

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Так могла называться в документах Забайкальская епархия в силу своего автономного существования в 1920–1925 гг.
- ² *Саввин Д.* Жизненный путь Преосвященного Софрония, епископа Селенгинского // *Иннокентьевские чтения: Избранное: Юбилейный сборник статей, посвященный 210-летию прославления святителя Иннокентия (Вениаминова) и 10-летию «Иннокентьевских чтений».* Чита, 2006. С. 136–151.

- ³ Государственный архив Читинской области (далее — ГА ЧО), ф. Р-422, оп. 1, д. 45, л. 30.
- ⁴ Мелетий (Якимов; 29 октября 1835 г.— 14 января 1900 г.), свт., в 1868–1888 гг. служил в Забайкалье, занимался преимущественно миссионерской деятельностью; в 1878 г. хиротонисан во епископа Селенгинского, викария Иркутской епархии, и назначен управляющим Забайкальской духовной миссией. В целях распространения просвещения открыл церковное братство святых Кирилла и Мефодия и свт. Иннокентия в Чите. 5 июля 1889 г. назначен епископом Якутским, с 14 октября 1896 г. епископ Рязанский и Зарайский. Похоронен в Архангельском соборе Рязанского Кремля. Свт. Мелетий — автор полного жизнеописания прп. Варлаама Чикойского, пустынноика, Забайкальского чудотворца (*Жалсараев А. Д.* Поселения, православные храмы, священнослужители Бурятии XVII–XX столетий: Энциклопедический справочник. Улан-Удэ, 2001. С. 319–320).
- ⁵ Ефрем (Кузнецов; 1876 г.— 4 сентября 1918 г.), смч. По окончании в 1903 г. Казанской Духовной академии был назначен в Забайкальскую миссию, с 1904 г. являлся начальником миссии. 20 ноября 1916 г. хиротонисан во епископа Селенгинского, викария Забайкальской епархии. В 1917–1918 гг. участвовал в Поместном Соборе Русской Церкви как заместитель епископа Забайкальского и Нерчинского Мелетия (Заборовского). После Февральской революции подвергался преследованиям за монархические убеждения. В 1917 г. арестован в квартире протоиерея Иоанна Восторгова, расстрелян. Канонизирован 20 августа 2000 г.
- ⁶ ГА ЧО, ф. Р-422, оп. 1, д. 45, л. 30.
- ⁷ Вениамин (Благонравов; 1825 г.— 2 февраля 1892 г.). 20 мая 1862 г. хиротонисан во епископа Селенгинского, викария Иркутской епархии, и назначен начальником Забайкальской духовной миссии, с 18 марта 1868 г. епископ Камчатский, с 31 марта 1873 г. епископ Иркутский, 16 апреля 1878 г. возведен в сан архиепископа. Погребен в кафедральном соборе Иркутска.
- ⁸ ГА ЧО, ф. Р-422, оп. 1, д. 45, л. 30.
- ⁹ Тихон (Троицкий-Донебин; 4 января 1831 г.— 29 июня 1911 г.). 18 июля 1882 г. хиротонисан во епископа Сарапульского, викария Вятской епархии, с 8 марта 1886 г. епископ Енисейский и Красноярский, с 28 марта 1892 г. архиепископ Иркутский и Нерчинский.
- ¹⁰ Георгий (Орлов; 1848 г.— 11 июня 1912 г.), 24 января 1893 г. хиротонисан во епископа Селенгинского, викария Иркутской епархии, с 12 марта 1894 г. епископ Забайкальский и Нерчинский, с 27 сентября 1898 г. епископ Тамбовский и Шацкий, с 27 апреля 1902 г. епископ Астраханский и Енотавский, 1 апреля 1911 г. возведен в сан архиепископа.
- ¹¹ ГА ЧО, ф. Р-422, оп. 1, д. 45, л. 34.
- ¹² Там же, л. 30.
- ¹³ Там же, л. 31.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Мефодий (Герасимов; 22 февраля 1856 г.— 1931 г.). С 1893 г. являлся начальником Алтайской духовной миссии, со 2 июня 1894 г. епископ Бийский, викарий Томской епархии, с 24 декабря 1898 г. епископ Забайкальский и Нерчинский, с 20 декабря 1912 г. епископ Томский и Алтайский, с 30 июля 1914 г. епископ Оренбургский и Тургайский, в 1918 г. возведен в сан архиепископа. В 1919 г. эмигрировал, с 1920 г. архиепископ Харбинский, в 1929 г. возведен в сан митрополита.
- ¹⁶ ГА ЧО, ф. Р-422, оп. 1, д. 45, л. 32.
- ¹⁷ Там же, ф. 283, оп. 1, д. 1, л. 3, 9, 11.
- ¹⁸ Там же, ф. Р-422, оп. 1, д. 45, л. 32.
- ¹⁹ Там же, л. 33.
- ²⁰ Там же.

- ²¹ Там же, л. 32.
- ²² Там же, л. 33.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Священный Собор православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: Обзор деяний. Вторая сессия / Сост. А. А. Плетнева, Г. Шульц. Под ред. Г. Шульца. М., 2001. С. 56. Мелетий (Заборовский; 7 июля 1869 г.— 6 апреля 1946 г.), 21 ноября 1908 г. хиротонисан во епископа Барнаульского, викария Томской епархии, с 23 февраля 1912 г. епископ Якутский и Вилюйский, с 26 января 1916 г. епископ Забайкальский и Нерчинский, с 1920 г. епископ Харбинский. В 1930 г. Синодом Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ) возведен в сан архиепископа Забайкальского и Нерчинского с местопребыванием в Харбине, с 1931 г. возглавлял Харбинскую епархию, в 1939 г. Синодом РПЦЗ возведен в сан митрополита Харбинского и Маньчжурского. Погребен в Благовещенском миссионерском храме Харбина.
- ²⁶ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 1, д. 45, л. 30.
- ²⁷ Священный Собор православной Российской Церкви... С. 471.
- ²⁸ Там же. С. 485–486.
- ²⁹ *Граубин Г.* Прежде, чем грянет выстрел. Иркутск, 1998. С. 71.
- ³⁰ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 1, д. 45, л. 33.
- ³¹ *Васильева О. В.* Взаимоотношения государства и Церкви в Забайкалье на территории ДВР в 1920–1922 годах: (Выпускная квалификационная работа по кафедре отечественной истории). Чита, 2002. С. 19–20.
- ³² Там же. С. 20–21.
- ³³ Там же. С. 20.
- ³⁴ Там же. С. 21.
- ³⁵ В обращении говорилось: «Общее собрание приходских советов градо-читинских церквей, состоявшееся 10 апреля 1920 года в г. Чите... обсудив выступление Японии против большевистской тирании и анархии в России, верит, что это выступление дружественной нам великой державы имеет своею целью оказать искреннюю помощь восстановлению и поддержанию государственного единства нашей России, установлению в ней государственного строя, отвечающего интересам подавляющего большинства русского народа... Служители православной Церкви и ее верные сыны приветствуют этот шаг Японии» (Архив Регионального управления ФСБ России по Читинской области. Следственное дело № 621 по обвинению В. Т. Сивова, П. А. Михайлова и других. Начато 15 ноября 1930 г., т. 8, л. 130).
- ³⁶ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 2, д. 780, л. 17.
- ³⁷ Там же, л. 4.
- ³⁸ *Кашеваров А. Н.* Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1920). М., 2005. С. 320.
- ³⁹ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 1, д. 45, л. 34.
- ⁴⁰ Там же, л. 30.
- ⁴¹ *Васильева О. В.* Указ. соч. С. 24, 33.
- ⁴² Сильвестр (Ольшевский; 31 мая 1860 г.— 26 февраля 1920 г.), смчч. 16 января 1911 г. хиротонисан во епископа Прилуцкого, викария Полтавской епархии, с 13 ноября 1915 г. епископ Челябинский, викарий Оренбургской епархии, с 4 июня 1915 г. епископ Омский и Павлодарский, в 1918 г. возведен в сан архиепископа; в ноябре 1918 г. избран главой ВВЦУ Сибири. После того как в 1919 г. белые ушли из Омска, архиепископ Сильвестр не оставил паству. Вскоре после прихода большевиков он был арестован и заключен в тюрьму, где в течение 2 месяцев подвергался истязаниям. Так и не сломив волю архипастыря, большевики подвергли его мучительной смерти: прибив руки гвоздями к полу и таким образом распяв священномученика, они раскаленными шомполами прижигали его тело, а затем пронзили сердце.

- ⁴³ *Васильева О. В.* Указ. соч. С. 24.
- ⁴⁴ Там же. С. 24–28.
- ⁴⁵ Там же. С. 33.
- ⁴⁶ Там же. С. 34.
- ⁴⁷ Там же. С. 39.
- ⁴⁸ *Черкасов-Георгиевский В.* Русский храм на чужбине. М., 2003. С. 250.
- ⁴⁹ ГА ЧО, ф. Р-422, оп. 1, д. 45, л. 29.
- ⁵⁰ Софроний (Кристалевский; 25 декабря 1703 г.— 30 марта 1771 г.), свт. Хиротонисан на Иркутскую кафедру 18 апреля 1753 г.
- ⁵¹ ГА ЧО, ф. Р-422, оп. 1, д. 45, л. 25.
- ⁵² Михаил (Богданов; 6 ноября 1867 г.— 9 июля 1925 г.). 30 августа 1907 г. хиротонисан во епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии, с 11 июля 1914 г. епископ Самарский и Ставропольский. В 1918 г. эмигрировал. С 1919 г. епископ Владивостокский и Приморский.
- ⁵³ Нестор (Анисимов; 9 ноября 1884 г.— 4 ноября 1962 г.), в 1916 г. избран первым самостоятельным епископом Камчатским и Петропавловским, с 1933 г. архиепископ, с 1945 г. управляющий Харбинской епархией, с 1946 г. митрополит Харбинский и Маньчжурский, экзарх Восточной Азии. В 1948 г. приговорен к 8 годам заключения, в 1956 г. освобожден. С 18 июля 1956 г. митрополит Новосибирский и Барнаульский, 8 сентября 1958 г. уволен на покой, с 9 декабря 1959 г. временно управляющий Кировоградской епархией.
- ⁵⁴ ГА ЧО, ф. Р-422, оп. 1, д. 45, л. 28 об.
- ⁵⁵ *Васильева О. В.* Указ. соч. С. 38–39.
- ⁵⁶ «Забайкальский церковно-общественный вестник» издавался Забайкальской епархией в 1922 г. Решение о его учреждении было принято на епархиальном собрании 2 июня 1921 г., издание прекратилось после установления в Забайкалье советской власти (*Васильева О. В.* Указ. соч. С. 38).
- ⁵⁷ *Васильева О. В.* Указ. соч. С. 40.
- ⁵⁸ Там же. С. 43.
- ⁵⁹ Там же. С. 42–43.
- ⁶⁰ Там же. С. 43.
- ⁶¹ ГА ЧО, ф. Р-422, оп. 2, д. 701, л. 1, 1 об.
- ⁶² Там же, л. 2.
- ⁶³ Там же, л. 3.
- ⁶⁴ Озеро Иргень — одно из святых мест Забайкалья, место мученической кончины в середине XVII в. праведных воинов Симеона, Киприана, Иосифа и Василия «со дружиной» (имена и точное число убиенных неизвестны), погубленных за свое доброе христианское житие воеводой Афанасием Пашковым. Также на Иргени была обретена чудотворная икона мц. Параскевы Пятницы. Установлены случаи чудесной помощи по молитвам к иргенским мученикам. Необходимые для их канонизации материалы были собраны к 1917 г., однако до настоящего времени она так и не состоялась, хотя имена их все же были включены в список святых в майской Минее (М., 1987). Примечательно, что иргенских мучеников почитали как православные христиане, держащиеся новых обрядов, так и забайкальские старообрядцы. Решение о создании монастыря на озере Иргень было принято Святейшим Синодом еще в 1911 г., однако осталось невыполненным (Православное Забайкалье: Священное место Забайкалья — Иргень: Учеб. пособие. Чита, 2004. С. 30).
- ⁶⁵ ГА ЧО, ф. Р-422, оп. 2, д. 785, л. 1–1 об.
- ⁶⁶ Там же, д. 700, л. 38–40, 43, 47.
- ⁶⁷ *Васильева О. В.* Указ. соч. С. 43, 45.
- ⁶⁸ ГА ЧО, ф. Р-422, оп. 1, д. 45, л. 58.
- ⁶⁹ Там же, л. 24.

- ⁷⁰ Обновленческий раскол: Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики / Сост. И. В. Соловьев. М., 2002. С. 958–959.
- ⁷¹ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 2, д. 791, л. 11.
- ⁷² Обновленческий раскол... С. 958.
- ⁷³ Там же. С. 959.
- ⁷⁴ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 1, д. 19, л. 82.
- ⁷⁵ Евсевий (Рождественский; 22 декабря 1886 г. – 5 ноября 1937 г.), 15 марта 1920 г. хиротонисан во епископа Яранского, викария Вятской епархии, в 1922–1923 гг. епископ Ставропольский и Кубанский, с 1923 г. епископ Ейский, в 1926–1927 гг. временно управлял Иркутской и Верхоленской епархией, с 1926 г. епископ Нижнеудинский и временно управляющий Иркутской епархией, с 1927 г. епископ Забайкальский и Нерчинский, с 27 марта 1930 г. архиепископ, с 3 апреля 1930 г. архиепископ Шадринский, управляющий Свердловской епархией. В декабре 1930 г. арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы, сослан в Сиблаг, расстрелян.
- ⁷⁶ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 1, д. 45, л. 37; Обновленческий раскол... С. 959.
- ⁷⁷ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 1, д. 45, л. 37.
- ⁷⁸ Там же, д. 19, л. 37.
- ⁷⁹ Там же, д. 45, л. 34.
- ⁸⁰ Там же, оп. 2, д. 819, л. 77.
- ⁸¹ Там же, оп. 1, д. 45, л. 34.
- ⁸² Обновленческий раскол... С. 959.

Приложения

№ 1¹

Обвинительный акт о священниках С. П. Старкове, Н. Д. Подгорбунском и др.

Обвиняемые: св[ященники] Старков, Николай Подгорбунский, Николай Стрелков, Николай Писарев 2-й, Василий Богоявленский, диакон Маккавеев, гр[аждане] Николай Попов, Семен Романов и Иван Носырев содержатся под стражей в Читинской городской тюрьме. Обвиняемые: св[ященник] Замятин, гр[аждане] Николай Болотов, Михаил Васякин, Иван Титов, Авксентий Злобин, Георгий Шик и Руфин Яковлев находятся на свободе, с обязательством невыезда из гор[ода] Читы.

Обстоятельства дела. В связи с проведением в жизнь вопроса об отделении церкви от государства и школы от церкви по отношению Заб[айкальской] об[ласти] среди обывателей г[орода] Читы возникли различные дебаты. Эти дебаты приняли особенно острый характер, когда Забайкальским исполнительным комитетом были приняты практические меры к изъятию духовной консистории из рук духовенства. С этою мерою читинское духовенство не могло примириться, т[ак] к[ак] все записи о рождении, смерти, браке и т[ому] п[одобное] считало своей прерогативой. Со своей стороны и исполнительный комитет, не имея никаких намерений врывать в область церковных обрядов, оскорбляющих чувства верующих, не мог оставить духовную консисторию в руках духовенства. Духовенству гор[ода] Читы представилась альтернатива: подчиниться или не подчиниться распоряжениям местной власти, для власти: провести ли декрет Центрального Совета народных комиссаров об отделении церкви от государства, что уже сделано в большинстве городов России и Западной [так в документе.— Д. С.] Европы, или оставить Забайкальскую епархию на особом положении, другими словами, не подчиняться высшей власти Центра. Начались переговоры местной власти с представителями духовенства, закончившиеся категорическим отказом последних

подчиниться, что и выражено в официальном документе 4/17 июня с[его] г[ода], подписанном несколькими членами консистории и утвержденном епископом Мелетием. Такое отношение духовенства местная власть могла рассматривать как начало активных действий против существующей власти и в целях пресечения более сильных осложнений была вынуждена заключить под стражу несколько активных из духовенства лиц. Эта мера была использована противниками советской республики как средство агитации против существующего строя. С этого момента на Соборной площади у духовной консистории стали появляться какие-то группы, привлечшие внимание обывателей г[орода] Читы. 18 июня на этой площади появилась довольно значительная толпа. (Толпа собиралась за последние два дня, т. е. 18 и 19 июня.) Настроение толпы было довольно умеренное, и если появлялись предложения активных действий, то они не имели решающего значения. Все дебаты велись вокруг переговоров с местной властью по поводу освобождения арестованных священников. Иногда выдвигались довольно жесткие выражения, сущность которых доходила до представителей власти, и власть была поставлена в необходимость реагировать тем или иным способом. Так, от н[ачальни]ка гарнизона гр[ажданина] Иванова еще 17 июня было получено распоряжение городской милиции для присутствия при снятии в духовн[ой] консистории, что вызывало необходимостью предотвращения возможных эксцессов. 18 июня наряд милиции был послан вновь, т[ак] к[ак] 17-го приемка консистории не была закончена. Группа обывателей, которым было все равно, как окончится переход консистории в руки советской власти, а также различные проходимцы, подбивающие несознательную массу на эксцесс, являлись центром, привлечшим внимание проходящих. Наряду с мирным обсуждением вопроса стали раздаваться предложения противопоставить вооруженной власти свою организованную силу. 18 июня обсуждение толпы затянулось до поздней ночи. Так, например, начальник городской милиции, проходя 18 июня в 11 час[ов] ночи, видел толпу около 60 человек, преимущественно женщин, стоящую на площади и обсуждающую все те же вопросы. С утра 19 июня на площади опять начал собираться народ, и городской милицией была выделена часть своих людей на предмет восстановления порядка, если бы он был нарушен. В это же самое время в толпе и на церковной ограде стали появляться ораторы, некоторые из которых настаивали на выяснении вопроса посредством делегации к комиссару Матвееву, некоторые же призывали к непосредственному освобождению священников толпой (показания Беломестнова). В третьем часу к комиссару И. М. Матвееву был послан от толпы представитель в сопровождении помощника начальника милиции. Комиссара Матвеева в исполнительном комитете не оказалось, и после переговоров по телефону об этом было сообщено толпе. Было сделано предложение разойтись по домам и ждать до завтра, до решения вопроса исполнительным комитетом. Это предложение толпой было отвергнуто, было отвергнуто также предложение посылки петиции местной власти. Еще раньше были робкие намеки на необходимость ударить в набат и этим самым собрать возможно большее количество народа. С получением ответа, что объяснения с Матвеевым добиться

не удалось, многие участники толпы указали на набатный звон, который и начался через две-три минуты с колоколен соборной и архиерейской церкви. Толпа стала быстро увеличиваться приходящими прихожанами от различных церквей. Около 5 часов вечера толпа стала требовать активных действий. Конкретно указывалось на необходимость крестного хода к тюрьме для освобождения священников... но и в это время со стороны некоторых были попытки указать, что избираемые толпою меры приведут к печальным последствиям, предупреждения эти встречались насмешками и негодованием. С иконами, хоругвями толпа направилась к Александровской улице и по ней в сторону тюрьмы. Дорогою некоторые участники шествия набрасывались на постовых красноармейцев, разоружали их, а отобранное оружие тут же разбивалось... Шла страшная агитация, происходило пение, и раздавались крики против советской власти. Дойдя до Камчатской ул., толпа увидела стоящую впереди небольшую цепь, выставленную местной властью для недопущения толпы до тюрьмы. Этой команде было дано строжайшее приказание (словесное), чтобы отряд действовал на толпу мирным образом (словами), но не употреблял бы оружия, если толпа сама не сделает нападения. Ввиду приближения толпы начальник отряда вышел вперед и стал кричать, чтобы толпа остановилась. Учитывая, что слова его могут быть не поняты толпою, вследствие поднявшегося шума, он стал махать рукой и шашкой, показывая этим, что толпа должна разойтись или по крайней мере остановиться. Это же делали находящиеся в цепи красноармейцы... но, несмотря на это, толпа продолжала двигаться, а из передних рядов ее раздавались призывы: «Идите, идите, стрелять не будут». Видя, что указанные меры не приводят к цели, отряд решил повлиять более серьезным образом. Был сделан залп вверх... В толпе после выстрелов началась паника. Вслед за залпом команды начались выстрелы и со стороны. Кто производил эти выстрелы, осталось невыясненным, но что они были, ясно из показаний («стреляли кругом» — Коцюба). Впоследствии говорилось в толпе, что стреляли из разных домов. Кем была убита женщина и несколько человек ранено, выяснить не удалось. Во всяком случае убийство женщины и поранение нескольких лиц необходимо отнести к произведенным выстрелам со стороны, а не отряда. За это говорят показания судебно-медицинского вскрытия и свидетельства врача Устлина... раненых Садышева и Богдановой и свидетельство о поранении врача Цейтлина. Кроме того, что уже изложено, выяснилось, что жена священника Старкова была ранена, по всей вероятности дробью.

№ 2²

Речь архимандрита Софрония (Старкова) при наречении во епископа Селенгинского

Богомудрые архипастыри и отцы!
Изволением Св[ятого] Духа, благословением Святейшего Патриарха,
суждением Священного Синода, попечением святителя Забайкальской

Церкви и желанием верующих членов ее призван ныне я к епископскому служению.

В настоящий великий и страшный час моей жизни священный трепет проникает все мое существо, потому что велик жребий святительства и тяжел крест служения епископа. Знаю мою немощь подъять на рамена свои тот омофор, о тяжести которого свидетельствовал великий избранник Божий святитель Тихон. Сознаю свое недостойнство быть продолжателем дела, начатого в Забайкалье святыми руками святителей Иннокентия и Софрония, Иркутских чудотворцев. «Немудрым и ничего не знающим» [1 Кор 1. 27–28] почитаю себя в сравнении с выходявшими прежде меня на возделывание Забайкальской нивы иерархами. Все они высоки по своему образованию, искусные в иночестве, опытные в миссионерском делании. И к сонму этих избранников Божиих подхожу я, униженный [1 Кор 1. 28] по своему происхождению, скудный своим образованием, новоначальный в иночестве, не изведавший миссионерских подвигов. Подхожу в то время, когда в жизнь Церкви направляют свое жало скорпионы неверия и нечестия [Иер 2. 6], когда разливается муть сектантства, когда сотни тысяч в пределах Забайкальской епархии пребывают во тьме язычества, ламаизма и шаманства, когда многие десятки тысяч удаляющихся от общения с нами старообрядцев не желают входить в ограду православной Церкви, когда и среди именующих себя православными велико число равнодушных к вере и благочестию, у которых «огрубело сердце, которые и ушами своими с трудом слышат, и очи свои смежили» [Ис 6. 10], когда и для соратников на ниве Христовой тяжесть пастырского крестоношения усугубляется часто злобой, клеветой, ложными обвинениями, темничными узам и даже смертью. «Кто я, чтобы мне идти?» [Исх 3. 11]. «Молюся Ти, Господи, избери могуща иного, егоже послещи» [Исх 4. 13] на это служение», — сказал потому я, когда впервые услышал зов ко святительству. Однако призвание Божие повторилось. И я вспомнил, как «возгорелся гнев Господень на Моисея» [Исх 4. 14], когда он упорствовал, убоялся тогда я слов Писания: «Грядет гнев Божий на сыны непокорны» [Еф 5. 6]. И на вторичный зов ответил: «Знаю, Господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущаго давать направление стопам своим» [Иер 10. 23], ведаю, что «от Господа стопы человека исправляются» [Ис 36. 23]. «Отче мой, если не может чаша сия миновать, чтобы мне не мучиться, да будет воля Твоя» [Мф 26. 42]». Поэтому, когда и ныне возвещено мне окончательное веление служить в сане епископа Церкви Христовой, я вслед за руководящим голосом ее, как любящей матери, повторил: «Благодарю, приемлю и ничесоже вопреки глаголю» (Чин избр[ания] и рукопол[ожения] архиерейск[ого]).

К такому послушанию обязывает меня и весь пройденный путь моей жизни. Обращаясь к прошлому, я чувствую потребность вместе с псалмопевцем возвестить: «Много сделал Ты, Господи Боже мой, о чудесах и помышлениях Твоих хотел бы проповедовать и говорить, “но они превышают число” [Пс 39. 6]». Вся жизнь — дивное чудо промысла Божия. В младенчестве сноп чужой жатвы, на которой должны были работать мои родители, бывал часто моей колыбельной в летнее время. Ныне я приведен к епископской кафедре.

Сколько любви Божественной, сколько помощи Божией чрез добрых людей испытал на себе, чтобы пройти этот путь. Прежде всего Господь послал мне великое счастье в лице моей родительницы, хотя и малограмотной крестьянки, но очень умной женщины, первый живой пример крепкой веры в Бога, горячей молитвы, упорного труда, несокрушимой энергии и первую учительницу грамоты. От нее впервые в раннем детстве полюбил я молитву и научился молиться, от нее познал силу веры, ценность труда, четырехлетним ребенком научился читать, полюбил учение книжное. Она же своим почитанием священного сана открыла мне в девятилетнем возрасте путь сначала на клирос сельского храма, а затем в Троицкий Селенгинский монастырь. Отцу внушил Господь преобладать предрассудки своей среды и предоставить мне идти по влечению сердца. Истовое совершение богослужения сельским священником в родном приходе привлекло меня к участию в церковной службе и трудах сельского причта. О. архимандриту Иринарху указал Господь взять меня в обитель и устроенную им церковную школу. Здесь трепетало от радости мое детское сердце, когда девятилетним мальчиком в трапезной монастыря произносил: «Житие иже во св[ятых] отца нашего (имярек) благослови, отче честный, прочести» и читал по Четым Минеям Жития угодников Божиих. Здесь же бывший викарием еп[ископ] Мелетий [Якимов.— Д. С.] первый по просьбе о. архимандрита Иринарха призрел меня своим святительским вниманием и отсюда направил в Нерчинское духовное училище.

Училище находилось в то время в периоде полного духовного роста при материальной скудости. Приснопамятный о. протоиерей Павел Родионович Затопляев стоял во главе его. Человек с высоким пастырским настроением, богатыми природными педагогическими дарованиями, с непоколебимым авторитетом, при полном расцвете своих духовных сил, крепкий в то время физически, он вдохнул в училище свое дыхание жизни. Все сотрудники проникались его святым настроением. Служение Церкви Христовой даже в должности низшего сельского клирика становилось дорогим и желанным нашему сердцу. В день вполне успешного окончания курса в училище я со своим однокурсником, впоследствии Преосвященным Ефремом, приготовил прошение о назначении на должность псаломщика и идеализировал служение, о котором с детства мечтал. Об этом узнал один из всегда близких к ученикам преподаватель. Он узнал, что бедность преграждает нам путь к дальнейшему продолжению образования. С большим участием отнесся к нам и по телеграфу попросил архиепископа Иркутского Вениамина помочь нашей бедности. Добрый архипастырь подал нам надежду. И пред нами открылись двери Иркутской Духовной семинарии. Здесь оказалось много подобных мне бедняков. Правление семинарии было в большом затруднении. На помощь пришли, вечная им память, о. ректор архим[андрит] Никодим и о. архим[андрит] Иринарх. Личными средствами они помогли в течение первого года, дальше на общем положении казеннокоштного воспитанника [я] безбедно продолжал ученье.

Со вступлением в должность ректора незабвенного архим[андрита] Евсевия стремление и готовность стать в ряды служителей алтаря Господня на-

столько окрепли, что не хотелось отсрочивать этого дела продолжением образования в духовной академии. Та же благодеющая рука Господня наделяла щедротами Своими и на пути пастырского делания. Бедный сельский маленький приход был первой очень дорогой школой жизни и пастырского душепопечения. Затем по воле Божией в уездном и епархиальном городе при неизменном внимании, снисхождении и доверии Забайкальских архипастырей, церковных и общественных учреждений открылось широкое поле для применения сил во всех отраслях епархиальной службы и в разнообразных видах церковно-общественной деятельности до участия в деяниях Всероссийского церковного Собора включительно. Ты, первенствующий в настоящем сонме святителей, Высокопреосвященнейший Владыко [обращение к Оренбургскому архиепископу Мефодию (Герасимову), возглавлявшему хиротонию архимандрита Софрония.— Д. С.], принял меня в свое архипастырское руководство на третьем году моего служения и более половины моей пастырской страды отечески берег от опасностей, принимал в свое сердце мои скорби и любвеобильно укреплял и окрылял мои силы на поприще епархиального служения. Преемники твои продолжили начатое тобой попечение. Святитель Божий, ныне павший телом, но, я верю, пребывающий среди нас своим духом, глубокопочитаемый мной Высокопреосвященный митрополит Евсевий [Рождественский.— Д. С.] с любовью благоустраивал мое шествие по пути пастырства, первый благословил на новую ступень жизни. «Благодатию Божиею есмь, еже есмь». Поистине «много сделал Господь, чудеса Его превышают число» [Пс 39. 6], чтобы меня, «немоцию обложеннаго» [Евр 5. 2], вести «от силы в силу» и такую немощь мою обращать во свидетельство Своей милости ко мне и для спасения тех, кому служить я призван. Посему переживаю на себе всю силу свидетельства ап[остола] Павла: «Верно и всякого приятия достойно слово, что Иисус Христос пришел в мир спасти грешников, из которых я первый, но для того я и помилован, чтобы Иисус Христос во мне первом показал все долготерпение в пример тем, которые будут верить в Него к жизни вечной» [1 Тим 1. 15–16].

Правда, падали на меня тяжкие испытания. Горе бедности в отрочестве и юности сменились иными невзгодами жизни. Самый тяжкий удар Божьей грозы разразился над моей головой три года тому назад. Я потерял спутницу жизни. Мои дети лишились солнца материнской любви. Но и несчастья говорили о любви Божией к моему недостоинству. Они еще больше, чем радости жизни, звали меня крепче держаться за ризу Господню и в служении Божьему делу находить истинный смысл для своей жизни. При испытаниях я должен был говорить: «Знаю, Господи, что суды Твои праведны и по справедливости наказал меня» [Пс 118. 75], «но да будет же милость Твоя утешением моим по слову Твоему к рабу Твоему» [Пс 118. 76]. И действительно, всегда несчастья моей личной жизни услаждались милосердием Божиим, самое тяжкое из них смягчается призванием к служению в сане епископа. Дивно избрание. Чудесна милость Божия и в осуществлении этого избрания. Чтобы подкрепить мою немощь, Господь прежде возведения меня на Голгофу епископского служения явил для моей веры и любви в дни св[ятой]

Четыредесятницы и Страстной седмицы совершенный Им путь самоотверженного подвига «даже до смерти» и в Пасхальную седмицу показал радость Светлого Воскресения и торжество Христовой правды и любви.

Благодаря Господа, так о мне благодееющего, и приемлю жребий епископского служения, нимало вопреки глаголя. Готовность подъять подвиг непосильный для моей немощи поддерживает во мне, кроме послушания воле Божией, обетование Иисуса Христа, что все продолжатели дела Его, а с ними и я недостойный, не одиноки. «Аз есмь с вами во вся дни до скончания века» [Мф 28. 20],— звучит донныне и вселяет уверенность, что дело св[ятой] Церкви несокрушимо не только попытками людей, но и силами самого ада [Мф 16. 18] «столпы ея никогда не исторгнутся и ни одна вервь ея не порвется» [Ис 33. 20]. Влечет к тому любовь к Церкви Христовой, воспитавшей меня под своим кровом. Вдохновляет глубокое сознание ценности служения для спасения ближних и искреннее желание продолжать дело св[ятого] благовествования. Ободряет и твоя, святитель Забайкальской Церкви, отеческая попечительность, при которой и в епископском делании примешь ты меня в свою любовь, как не отринул в пастырском труде. Верю, что и забайкальская паства, подвигнувшая меня к приятию креста архиерейского служения, примет³ на себя подвиг Симона Киринейского и не оставит меня одиноким. Паче же всего даст мне дерзновение подъять подвиг служения в сане епископа вера во всемогущую помощь Божию, которая по молитвам Божией Матери и св[яты]х] угодников ниспосылается. Пресвятая Богородице, «молю Ти ся, ороси мя благодатию, да зову Ти: Радуйся, водоспасительная» (Конд[ак иконе Божией Матери] «Жив[оносный] Источ[ник]»)⁴. Святители Христовы Иннокентие и Софроние, личным подвигом изведавшие трудность возделывания той нивы, к сеянию на которой я призываюсь, молитвенным предстательством помогите мне. Усугубляет решимость мою упование на вседействующую «благодать Божию, немощная врачующую и оскудевающая восполняющую».

Предзреваю тот священный час, когда око веры узрит в храме «Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном», слух веры услышит шелест риз Господних, почувствуется трепетание крыл серафимов и огласится храм их пением Трисвятой песни. Возопиет тогда моя немощь: «Горе мне, погиб я, ибо я человек с нечистыми устами» [Исх 6]. Умоляю вас, святители Божие, усугубьте в тот страшный час в единении с народом церковным вашу святительскую молитву, дабы серафим коснулся моих нечистых уст и услышал я в утешение моему достоинству: «Беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен» [Ис 5. 17]. Помолитесь, богомудрии архипастыри и отцы, дабы мне, «наименьшему из всех избранных, дана была благодать — благовествовать неисследимое богатство Христово и открыть всем, в чем состоит домостроительство тайны, сокрывавшейся от вечности в Боге, создавшем все Иисусом Христом» [Еф 3. 8–9]. Помолитесь, Преосвященнейшие владыки святые, чтобы Пастыреначальник Христос объединил меня с пастырями и пасомыми всеильным союзом христианской любви во единую истинно христианскую семью, чтобы помог мне призвать сюда и тех, «яже не суть от двора сего» [Ин 10. 6], и со всеми ими удостоиться предстать непо-

стыдно в день всеобщего воздаяния пред Судией и Мздовоздаятелем и рещи:
«Се аз и дети мои».

Архимандрит Софроний.

№ 3⁵

**Слово архиепископа Мефодия (Герасимова)
при вручении жезла епископу Софронию**

Христос воскрес!

Возлюбленный о Христе брат епископ Софроний! Вручая тебе епископский жезл, символ твоей епископской власти, хочу тебе напомнить слово, которое Господь сказал о Себе: «Сын человеческий не прииде да послужат Ему, но послужить и дати душу Свою избавление за многи» [Мф 20. 28]. Итак, принимая жезл епископского правления, знай, что ты принимаешь его не затем, чтобы тебе как властелину служили другие, а затем, чтобы ты сам послужил другим. Не паства существует для тебя, а ты для паствы, не паства должна сообразоваться с порядком твоей личной жизни и твоими требованиями, а ты должен сообразоваться с требованиями твоей паствы, ты должен быть таков, каким был св[ятой] апостол, который сказал о себе: «Всем бых вся, да всяко некия спасу» [1 Кор 9. 22]. Принимая жезл епископского правления, помни, что ты слуга паствы, а не господин ее, потому что Господь сказал: «Иже аще хочет в вас быти первый, будет вам раб» [Мф 21. 29]. «Боли же в вас да будет вам слуга» [Мф 23. 12]. Ты слуга паствы, а не господин ее, а потому правь паствою со всяким смирением, в смирении высота твоя.

Труден момент, в который ты берешь на себя бремя епископского служения. Как будто уже наступили те страшные времена, о которых сказал апостол: «В последние дни настанут времена люта» [2 Тим 3. 1]. Есть сходство между настоящим моментом, который мы переживаем, и первыми временами Церкви. Первые времена Церкви были времена кровавых гонений, и эти гонения воздвигла сама власть, которая считала веру Христа вредным суевением, напрягала все силы, чтобы истребить с лица земли самое имя христиан. Ныне Церковь вновь проходит огненное испытание, вновь воздвигнуто гонение, и это гонение опять воздвигла сама власть, которая объявила религию опиумом для народа, дурманом, которым одуряется народ, вредным для социального блага масс суевением. Напрягает точно также все силы, чтобы искоренить религию, исторгнуть из души народных масс всякую веру и прежде всего веру Христа. Труден момент! Древние гонители Церкви и мучители христиан гнали правду Божию, истину Христову, но они по крайней мере не посягали на правду человеческую, уважали требования справедливости, законности, права личности. Ныне ниспровергнута правда Божия и правда человеческая, поругана вера, попраны все законы гуманности и справедливости. Вместо любви, которую заповедал Господь, вместо справедливости, законности и уважения к личности, на которых зиждется всякое человеческое общежитие, провозглашен животный закон звериной борьбы за существование.

Труден момент. Ты не можешь молчать, ты должен возвысить свой голос на защиту веры и правды. Церковь Христова и ее служители суть блюстители истины и правды Божией на земле, должны охранять их от хуления и поругания, но с мужеством соедини и благоразумие, чтобы благою ревности не возбудить еще большую злобу врагов истины и не подвергнуть истину еще большему гонению. Но это благоразумие не должно быть тем, что лукавый век называет тактичностью, которая готова во всякий момент сделать уступку лжи и неправде. Это благоразумие, соединенное с мужеством, должно быть тем качеством, о котором Господь сказал: «Будите убо мудри яко змии и цели яко голуби» [Мф 10. 16]. Будьте мудры, как змии, просты и незлобивы, как голуби. Труден момент, в который ты идешь на подвиг епископского служения. Ты идешь не на почести твоего высокого звания, а на крестный подвиг. В настоящий страшный момент более чем когда-либо принимающий бремя епископского служения должен быть готов исполнить повеление Христово: «Аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет» [Мф 16. 24].

Вручаю тебе жезл епископской власти. Прими его и запечатлей в твоём уме и сердце слова святого апостола: «Пасите еже в вас стадо Божие, посещаяще е не нуждею, но волею и по Бозе, ниже неправедными прибытки, но усердно, ни яко обладающе причту, но образи бывайте стаду. И, явльшуся Пастыреначальнику, примите неувядаемый славы венец» [1 Петр 5. 2–4]. Здесь сказано все, что тебе нужно знать и что нужно делать. Пастыреначальник Господь, когда ты завершишь свое течение, да сподобит и тебя в день оный приять неувядаемый славы венец от рук Его. Аминь.

№ 4⁶

Постановление Забайкальского епархиального совета о епархиальном управлении

Забайкальский епархиальный совет.

Циркулярно в копиях благочинным и причтам церквей, благочинническим и приходским советам Забайкальской епархии 6.III.1923, № 238, г. Чита.

Забайкальский епархиальный совет, принимая во внимание возникновение в последнее время в епархии не соответствующих действительности слухов и появление подобного же характера газетных статей и заметок об епархиальной жизни и управлении, что может внести в них расстройство и привести к последствиям, вредным для церковного единства, возбуждая беспокойство и скорбь в православном народе, признал необходимым поставить в известность духовенство, благочиннические и приходские советы епархии о положении епархиального управления и о принципах и задаче своей деятельности в настоящий момент.

Преосвященный Мелетий, находящийся вне Забайкальской епархии (в Харбине) с июля 1920 года, на докладе Забайкальского епархиального совета от 1 декабря 1922 г. за № 450 с представлением протокола совета от

18 ноября 1922 г. за № 72 о невозможности сношения с ним и о предоставлении Преосвященному Софронию всех прав епископа, управляющего епархией, на основании постановления Высшей церковной власти от 7/20 ноября 1920 г. за № 362 (о порядке церковного управления при расстройстве сношений с подлежащей властью) и постановления той же власти от 9/22 марта 1922 г. за № 326 (о назначении Преосвященного Софрония управлять Забайкальской епархией) положил резолюцию от 14 декабря 1922 г. о своем согласии.

Управляющий Забайкальской епархией Преосвященный Софроний, епископ Селенгинский, в ночь на 31 декабря стар[ого] ст[иля] 1922 г. арестован представителями ГПУ и находится в читинской тюрьме в ожидании суда. Поэтому центром, объединяющим жизнь епархии и сосредотачивающим управление ею, в настоящее время является Забайкальский епархиальный совет. Последний, сохраняя каноническую связь с епископом Софронием, принцип и задачу своей деятельности в условиях переживаемого времени, определяет в таких положениях. 1) Повиновение с доброй совестью существующей государственной власти, в частности, проведение в жизнь строгого подчинения законам об отделении Церкви от государства и школы от Церкви и основанным на них распоряжениям власти, определяющим внешнюю жизнь Церкви. 2) Свобода совести и свобода и неприкосновенность внутренней религиозной жизни православного верующего народа, в целях охраны которых не вносить никаких политических тенденций в Церковь и религиозную жизнь народа и тем избежать ошибок прошлого и не давать поводов к политической расценке Церкви и деятельности духовенства с вытекающими отсюда последствиями. 3) Верность православной Греко-Российской Церкви на основе единства догматического учения и канонического церковного строя, при нарушении которых неизбежно умножение расколов, сектантства, ересей и отпадений. 4) Ожидание церковного суда над Патриархом Тихоном, до решения которого мы считаем себя канонически не вправе отвергать его Патриаршего достоинства и потому продолжаем возносить уставные моления о нем. 5) Автономный характер Забайкальской епархии в церковной жизни и управлении, согласно послания наместника Патриарха митрополита Агафангела [Преображенского.— Д. С.] от 18 июля 1922 г. за № 214 (см. «Забайкальский цер[ковно-]общ[ественный] вестник», № 32, 1922 г.). 6) Признание необходимости церковных реформ и предварительная работа в этом направлении, самое же проведение в жизнь реформ считаем возможным лишь после соответствующих решений вопросов о них на Всероссийском церковном Соборе. 7) Забайкальская епархия должна принять участие на ожидаемом Всероссийском церковном Соборе, если созыв его, способы избрания членов Собора и условия участия на нем будут обеспечивать каноническую правоспособность его, не будут носить партийного характера и будут свидетельствовать об единстве православной Российской Церкви и свободном участии на соборе духовенства и мирян в лице своих представителей.

Для определения дальнейшего положения дела и по другим вопросам епархиальной жизни Забайкальский епархиальный совет считает долгом принять меры к созыву очередного епархиального собрания.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Подлинное подписали: Председатель епархиального совета кафедральный протоиерей Инн[окентий] Томилин. Член совета прот[оиерей] Никол[ай] Писарев и священник Никол[ай] Подгорбунский. Член-секретарь П. К. Белевский.

С подлинным верно: член-секретарь П. Белевский (*подпись*).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Архив Регионального управления ФСБ России по Читинской области. Следственное дело № 621 по обвинению В. Т. Сивова, П. А. Михайлова и других. Начато 15 ноября 1930 г., т. 8, л. 318–321
- ² ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 1, д. 45, л. 25–27 об. Речь произнесена в Благовещенской церкви подворья Пекинской миссии в Харбине 21 апреля 1922 г.
- ³ Исправлено, в рукописи: принять.
- ⁴ День 21 апреля 1922 г. пришелся на пятницу Светлой седмицы, когда совершается празднование в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник».
- ⁵ ГА ЧО, ф. Р–422, оп. 1, д. 45, л. 28–28 об.
- ⁶ Там же, оп. 2, д. 791, л. 18–18 об.